

Александр Галиев

Желтый Эскадроль

Александр Галиев
Желтый Эскадроль
Серия «Библиотека классической
и современной прозы»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48438587
Желтый Эскадроль: Общественная ассоциация молодых
музыкантов, поэтов и прозаиков; Москва; 2019
ISBN 978-5-6043130-6-0

Аннотация

«Желтый Эскадроль» – концептуальное произведение. В нем есть и аллюзия на судьбы христианского мира, и тоска по русскому народу, и присущая человечеству жестокость. Мир, в котором христиане погибли в агонии, сам собой, *органично*, переродился в нечто странное – мир, где все счастливы лишь благодаря инстинкту. Глубоко внутри эскадрольский народ мирный и искренний. Но на самом деле бесчеловечность и ложь для эскадрольцев лишь скучный факт, на который никто не обращает внимания. Ведь этот факт ничего не стоит против богатства, свободы и удовольствия. И как такое может быть основано на инстинктах? Где же свобода воли? Впрочем, Эскадроль даже не государство, чтобы было кого обвинять, Эскадроль – это сами люди.

Главный герой – обычный военный. Он одобряет жестокость, нейтрально относится ко лжи, но также он знает нечто, что укрывается от всех. Меж тем он не думает спасти Эскадроль, он спасает только себя.

Почему же Эскадроль желтый? Очень просто. Желтый – это и цвет «*органического Солнца*», и цвет гигантских хлебных полей центральной части Эскадроя, и цвет золота улицы главного города. И, главное, желтый цвет – это цвет божественный, который надежду на спасение всё же дает.

Страшно ли жить в подобном мире или, наоборот, приятно? Автор предлагает читателям сделать выбор самостоятельно.

Содержание

Введение	6
Первая часть. Машина	22
Первая глава	22
Вторая глава	59
Третья глава	90
Четвертая глава	151
Конец ознакомительного фрагмента.	176

Александр Галиев

Желтый Эскадроль

© Александр Галиев, 2019

© Общенациональная ассоциация молодых музыкантов,
поэтов и прозаиков, 2019

Введение

19 апреля 1819 года. Вечер.

Кудесников откашлялся в платок, прижав его к своим бинтам. Белая ткань вмиг запачкалась уже привычной для меня свернувшейся кровью. Не первый год я с интересом наблюдал, как он кашляет, как он мучается, как надрывается его горло.

Художник по обыкновению сидел в кресле с решительным взглядом и смотрел в сторону. Он редко смотрел на меня и почти никогда не смотрел в глаза. Сегодня он обещал дать почитать что-нибудь интересное. Я ведь день пробыл в Администрации, у меня жутко болела спина, и потому было блаженством присесть на вожделенный белый диван в его мастерской.

«Эскадроль – это не государство, это принцип неба...» – начиналась записка Кудесникова.

– Что такое государство? – задал я вопрос без особого интереса.

«Потом скажу, – быстро написал художник. – Читайте дальше».

«Эскадроль – не государство, это принцип неба, разошедшийся по земле. Здесь нет публичной власти, нет ни одного писаного закона, нет общественных институтов, которые бы взимали налоги, обладали правом судить или легально

применять силу. Даже гордое название «Эскадроль» вспоминается всеми в последнюю очередь, а неумудренный народ называет это образование попросту «Эскадрой». Это нельзя назвать страной, в лучшем случае «пространством». Пространством унифицированным и опустошенным, ибо унификация – флаг человечества, а против пустоты нельзя протестовать.

Территория Эскадроля условно выделяется двумя признаками – свободным действием эскадрольской армии и организмом, системой, объединяющей эскадрольский народ. Император Эскадроля по традиции наделен совершенной самодержавной властью, но по той же традиции ей не пользуется. Эскадроль управляет собой сам, Император лишь гарант двух вышеперечисленных принципов. Им созданы только три учреждения: Военная Администрация, которая занимается военными делами внутри «пространства», Штаб, который увеличивает это «пространство», и Фонд Управления и Спасения, который хоть как-то занимается внутренними гражданскими делами».

– Что это за глупый текст, господин Кудесников? Кому будет интересно такое читать?

«Он для вас. Здесь будут не только мои слова, я скомпилировал», – гласила новая записка.

– А зачем это мне?

«Я все расскажу позже. Читайте, пожалуйста».

Было видно, что художнику не нравятся мои вопросы. Он

выглядел несколько нетерпеливым. Я продолжил читать.

«В Эскадроле все одинаковые. Конечно, у жителей может быть разный характер, привычки, одежда, взгляды, поведение, род деятельности и статус, но сознание – одинаковое полностью. Человеческое сознание – непростая и опасная величина. Сознание формирует устойчивый облик мира, в котором человек живет, и дает возможности для его познания. Однако сознанием можно манипулировать. Не всегда это дается легко, потому что люди не одинаковы, они воспринимают мир и познают его по-разному. Манипуляция, в таком случае, нуждается в общих стандартизированных нормах, под которые со временем подгоняется и само сознание. Здесь наступает власть идеи, власть национальной культуры, политической идеологии, главенствующей религии, вековых традиций и моральных ценностей. И если мы имеем одинаковую власть идеи над разнообразной и сложной человеческой массой, то мы объединяем эту массу. А единение – есть высшее благо, придуманное человечеством. Единение друзей, единение в любви, единение коллектива, государства, народа, духа и, в конце концов, общественное единение, которое чаще называют общественно-политическим единством. Ради единения можно и лгать, и манипулировать, и убивать, и развращать, и красть, и тиранить. Каждый человек хочет жить в добром мире, наполненном любовью и взаимоуважением, в мире, наполненном возлюбленными братьями.

Но снова: люди разные. Один мужественен, другой малодушен, один храбр, другой труслив, один серьезен, другой инфантилен, один разумен, другой доверчив. У людей разные культуры, разные языки, разные мировоззрения, разные религии, традиции, языки, мифы, разный быт и разная жизнь. Богатство и бедность, позор и слава, старость и юность, мудрость и глупость; есть мужчины и женщины, крестьяне и промышленники, солдаты и инженеры, ученые и военные. Людям была дана невероятно сложная и разнообразная жизнь, которую они сами усложнили (в хорошем смысле) еще сильнее. У людей множество различий, и нельзя пытаться контролировать их всех одним способом. Как же найти настолько сильную идею, которая бы смогла благотворно влиться сразу во все людские сознания, прижиться там и объединить человечество?

Организмизм. Организмизм – это совершенная система, влияющая не на сознание отдельного человека, но на сознание всего общества. Общество становится таким, каким оно должно быть в естественном состоянии, и выполняет те цели, которые перед ним поставили. Инстинктивно, машинально, без протестов, ненависти, сожаления и негодования, с улыбкой на лице, общество выстроится так, как нужно миру, природе и высшим принципам. И будет делать это совершенно безразлично, без перемены настроения. Выйдите на улицу обычного города – все счастливы и улыбаются! Мило беседуют, приветствуют каждого встречного, довольствуются жизнью,

нию, своим положением, своим обществом и тем, что они братья, абсолютно не замечая, что творится у них над головой. Но зачем замечать, если единение достигнуто?

Органицизм назван так, потому что он проповедует органичное и естественное поведение человека, не скованное никакими рамками. И в этом состоянии человек получается таким, каким можно видеть эскадрольское общество. Ни государства, ни моральных норм, чтобы как-то ограничивать человека. Все интуитивно и инстинктивно. Органицизм не от разума, он лишь неожиданно всплывает в твоей голове, свой в каждом случае. Органицизм велит руководствоваться во всем своими желаниями, разумеется, люди тратят все силы на свое удовольствие. Но органика в Эскадроле общественная, а значит, общество естественным путем формирует такие желания каждого своего представителя, что это общество живет в гармонии, достатке и непрерывном прогрессе.

Самым страшным бедствием для Эскадроля является неестественность, фальшивость, а потому везде все разное, даже своеобразное; каждой местности соответствует свой тип человека, свой тип ландшафта, особенностей поведения, архитектуры, культурного уровня. Разнообразие в чистом виде ценится и возвышается, а свобода мнений вкупе с их разнообразием ценится как высшее благо.

И при этом на территории Эскадроля работает унифицированный принцип органицизма, условное брожение умов никогда не заходит за крайности, никогда не совершает ни-

чего табуированного, при кардинальной разности во мнениях люди продолжают считать друг друга братьями, никогда не злятся и не раздражаются, подобное считается неорганичным. В любом случае, мнение человека совершенно не важно, ибо он всегда поступит так, как необходимо центру, и даже если абсолютно не согласен, человек тут же об этом забудет. Механизм совершенен».

– Люди злятся довольно часто, господин Кудесников. И раздражаться могут. И недолго любить друг друга. И... – я не успел договорить, художник сунул мне новую бумажку.

«Офицеры уже не люди. Офицеры эмоциональнее».

Я пожал плечами и продолжил читать:

«Именно в этом и заключается способ единения, именно потому все братья и потому все любят друг друга. Без одинаковости не будет и равенства. Религии нет, унифицировать ее очень сложно, потому жители Эскадроля совершенно не думают о богах и не имеют в них нужды. Если кто-нибудь за всю жизнь задумается хоть один раз о смысле слова «бог» – ему сразу объявят органический сбой, и дело его решено. Стандартизация, безразличие, пустота, счастье и апофеоз человека. Все просто. Христиане не справились с единением человека, общества и государственной машины, потому что требовали от человека высоких целей, устойчивой морали и слепой веры. Здесь – все легче, здесь никто ничего ни от кого не требует.

Возможно, если приглядеться сильнее, то покажется, что

люди здесь – роботы, которые на самом деле равнодушны друг к другу и заботятся лишь о собственном благосостоянии, спокойствии и безопасности. Главное – к этому не относиться отрицательно.

Культура и сознание Эскадролья пребывает в полном хаосе, кроме двух системных исключений: во-первых, эскадрольцы естественным образом, почти инстинктивно, не интересуются всем крамольным, органически запрещенным, тем, что может нарушить их единство; во-вторых, все как один любят то, что официально является символом Императора и Священного Воинства. Воинство, эскадрольская армия, прозвано Священным, потому что оно несет священную идею единения и органицизма в иные народы.

Человечество выбрало этот образ жизни, а те, кто его не принял, всего лишь будут уничтожены, дабы не портить человечество. Под человечеством понимается только Эскадроль, только эскадрольская культурная анархия и только эскадрольский Император.

Органицизм строится на кратком органическом мифе: Эскадроль – это Солнце на небе. Вечная, единственная и центральная звезда, расположенная на бескрайней небесной плоскости, которая всегда ведет себя органично и естественно. На этом большая часть мифа заканчивается, ибо солнцеподобный народ ненавидит думать, философствовать и создавать никому не нужные подробности.

Доходя до крайности, органика принимает абсолютно все,

кроме восстания против реальности. Восстание против естественности и нормальности, против настоящего, «бешеного в своем беспомощном безразличии», как гласил один экспрессивный лозунг. Такое восстание, конечно, тоже является органическим сбоем. Можно вспомнить недавний случай, произошедший с неким Соколовым. О его истории писали тогда все газеты и много говорили, потому что история была из ряда вон выходящей.

Соколов был спокойным и добропорядочным предпринимателем, занимающимся строительством дорог в небольшом городе. В какой-то момент он вдруг решил, что нравы людей двуличные и фальшивые, и пошел всем об этом рассказывать. Итог, впрочем, был не таким, как я его описал выше. Но по причине того, что этот Соколов оказался еще и беспросветным дураком, он пошел в императорский Фонд по совету своего друга обратиться к психологу, а психологи служат только в Фонде, ибо были совершенно не востребованы. При органицизме никто психическими заболеваниями не страдает. Соколов пришел в Фонд, высказал психологу свои гневные соображения, начал драться, разбил императорский портрет и был заслуженно убит фондовцами. Все понимали, что сбой – это болезнь, для которой нет лекарства, и жалели Соколова. Но он был всего лишь крупницей, которую никто особенно и не заметил.

Эскадроль стоит невероятно твердо. Таких, как Соколов, – единицы из сотен миллионов, и все мертвы. Экономи-

ка кипит и бурлит и чуть не лопается от перепроизводства изысков и товаров массового потребления – это при постоянной-то войне насмерть со всем миром. Бедных патологически нет, бедность тоже считается сбоем, поэтому ее тут же «залечивают». Иному разорившемуся лавочнику или землевладельцу без урожая люди тут же собирают пожертвования, различные частные общественные организации предлагают дивиденды и привилегии, и даже Фонд со своей высокомерной далекой платформы осыпает на бедняка золотые монеты. Обществу гедонистов и солдат требуется гармония. Никто не хочет видеть ужас бедности и грязи.

Но эскадрольское единение – лишь второе по счету. Первая идея единения была создана раньше, но не человеком, а Сыном Человеческим, и христианство некогда объединяло всю Европу. Объединяло не только разные сознания, унифицируя их, но и разные сословия, разные народы, разные культуры и даже разные цивилизации. Во главе единого духом человечества стоял один Бог и его христианские государи и наместники. Но идея пала, ибо была основана на милосердном и равном отношении ко всем людям. Порочных и добродетельных людей христианство ценило одинаково, все были достойны спасения, все имели одинаковую ценность сами по себе. В этом и был корень несовершенства. Совсем не важно, истинно ли христианство, ибо всемирное христианское единство не состоялось; европейское было шатким, недолговечным и обреченным на провал. Но христиане все-таки

могли завладеть человечеством, действуя они более жестко и неумолимо.

Главной ошибкой христиан запада было осуждение инквизиции как «ереси», это сразу дало многим понять, что христианская идея на Земле не удержится. Они не уничтожили отступников и не запугали верных. Они всех простили. Еретиков, грешников, изменников, хулителей, – всех. Христиане запада хотели построить «Царство Небесное» на земле, но земля, пропитанная кровью задолго до прихода Сына Человеческого, на семена света и добра начала возвращать плоды гнилые и страшные. В XIII веке христиане запада благословили паровой станок и сказали, что он приносит «пользу людям». В XIV веке одобрили капитализм, свободу слова и мнений, а к XV потеряли всю светскую политическую власть. В XVI веке уже совсем сумасшедшие с христианской точки зрения ромейские цари заявляли, что прогресс зависит от войны. Ромея была достаточно авторитетной державой, чтобы все тут же принялись воевать. Воевать с остревением и безжалостностью. Масштабные войны, впрочем, велись уже давно. Очень быстро обнаружилось, что «польза людей» требует новых земель, нескончаемых ресурсов, дешевой рабочей силы и, главное, выгодных рынков сбыта. Но войны с массовым террором, геноцидом и ненавистью были санкционированы ревностными христианами – царями Ромеи.

Ромея находилась на востоке Европы и исповедовала во-

сточное христианство. Восточное не было таким милосердным, поэтому с помощью террора, пропаганды и сильной власти оно давило прогресс мысли и свободолюбие. Ромея пала, пораженная своей доктриной бесконечной войны, когда перестала давить. Ее окраинные земли сепаратно разбрелись, вера и мужество иссякли, а гигантское военное поражение закончило мучительные конвульсии ромейского труппа.

Ныне в мире чуть менее десяти государств, вероятно, в некоторых из них христиане остались, но узнать об этом практически невозможно, ибо с запада идут лишь трофеи и гробы. В любом случае, остаточное существование христиан – дело временное. Эскадроль его закончит. Война без конца всех против всех длится уже два с половиной века, и мы имеем шансы закончить конвульсии не только ромейцев, но и всех оставшихся людей, не принявших нашу истину. Христиане не справились и не объединили человечество.

Но блаженные перед смертью успели положительно повлиять на мир. Благодаря доктрине ромейских царей, прозванных «гордыми», промышленная эволюция идет невиданными темпами. Наука и производство оперативно взаимодействуют во имя разработки и конвейерной штамповки новых вооружений, лучших технологий добычи ископаемых и открытия новых секретов, которые бы дали победу на войне. Ромейские цари умерли каких-то два века назад, и за эти два века человечество успело построить боевые машины

небывалой мощи и полностью перестроить под войну свои государства. Письменная история человечества органицизмом, разумеется, уничтожена, и поэтому неизвестно, какие войны, когда и за что велись, однако результат налицо. Население Земли сократилось на многие миллионы человек, жестокость, кровопролитие, разрушение и сама война теперь кажутся делами чуть ли не повседневными и обыденными. Священное Воинство, к примеру, составляет процентов десять от четырехсот миллионов населения Эскадроля, большая часть экономики сильно милитаризирована и работает только на войну и военное производство.

Само собой, до финала еще достаточно, но мир и не думает останавливаться. Каждый понимает, сквозь ложь и лесть дипломатии, что в финале останется только одна страна, которая поглотит и уничтожит другие. У Эскадроля никакой идеи и цели, которые бы направляли нас на войну, нет и военной пропаганды. Насчет западных идей утверждать невозможно, кроме слухов о западном мире ничего не известно. Пленных, по понятным причинам, нет, а сведения о мире не собираются целенаправленно, дабы не запачкаться в ненужном мусоре. Но общую для мира идею, общий судьбоносный принцип понимают все. Если есть возможность победить и остаться одним на планете, в лучах славы и величия, то грех не попробовать. С такими мыслями многие страны были разбиты и аннексированы, а их народы со временем изгладились в памяти из-за ловкого росчерка пера эскадрольского анни-

гилятора.

Вполне вероятно, что на западе массовые убийства имеют случайный характер, тогда как в Эскадроле подобное имеет характер системный с введением аннигиляторских должностей в генеральской среде. Генерал-аннигилятор занимается системным устранением лишних. К лишним народам эскадрольцы относятся без ненависти или презрения, лишние просто-напросто не вписываются в общую унифицированную картину, а потому сжигаются в печи прогресса. Эскадроль – машина для устранения лишних, для опустошения мира и очищения его.

Эскадроль – громадное и страшное пространство. Большинство этносов, живших на нашей территории, было аннигилировано. Остальные доживают свой век в резервациях. Весь ландшафт эскадрольского пространства преобразован под наши традиции, каждый уголок обзавелся небольшими солнечными городами и военными заводами. Эскадроль был изначально мал, но сейчас его территория беспредельна. И вот в самом центре этих необъятных земель была построена громадная фабрика, в недрах которой...»

– Даже про меня будет?

Кудесников помотал головой.

– Но явно будет про мою фабрику. У вас, кстати, много глупых очевидных уточнений. Вы учебник, что ли, какой-то пишете? Унылый получится, лучше бы писали, в смысле рисовали, что-нибудь органическое. А так только зря вре-

мя... – я не успел договорить.

В комнату зашел высокий старик в толстой серой рубаше. Он выглядел усталым, его припухшие морщины под глазами брезгливо подергивались от каждого угла кабинета. Гостя я не знал. Кудесников кивнул ему и попросил пальцем тишины, приставив его к бинтам.

– Привет, привет, – полушепотом, но несколько развязно проговорил старик. Мне показалось, что он бесился от своего вынужденного спокойствия. Кудесников встал и подошел к гостю.

– Это кто? – кивнул гость, не глядя на меня. Художник что-то бегло начал писать. – Знакомый? А, Искандар Танский. С важными людьми ты знакомство водишь, Емеля. Опять резервы? Ох, развлекайся. Ладно-хорошо. Я вот по какому делу пришел...

Они ушли в соседнюю комнату, а я продолжил читать.

«...строится ужасное сверхтяжелое чудовище, которое должно со временем поставить точку в бесконечной войне. Город из-за расположения был назван Централисом, на его постройку понадобились огромные ресурсы, выдача которых сильно ударила по Фонду, который был основным спонсором строительства. Де-факто, разумеется, это были деньги Императора, но де-юре – Фонд – частная организация с широкой даже не автономией, а самодеятельностью. Пятьсот тысяч человек вызвались добровольцами на высокооплачиваемую работу и уехали в центр. Как и все в Эскадроле, Цен-

тралис был построен быстро, а фабрика, равная по размеру резервациям народов-аннигилянтов, начала работать во всю мощь уже после полугода существования.

Но не все шло так гладко, и великая миссия человечества по нахождению сильнейшего была под постоянной угрозой маргинальных групп населения, которых война не устраивала. Каким-то чудом органический сбой смог распространиться на пару десятков тысяч человек. Число довольно маленькое (хотя всех чрезвычайно поражает), но эти маргиналы и отступники действуют чрезвычайно активно. Действовали. Срывали наши военные планы, разрушали коммуникации, производили диверсии, передавали сведения врагам и организовывали международные союзы для борьбы «за мир, свободу и добрососедские отношения». Так мы узнали, что в других странах тоже есть сопротивление, но оно там принимает чуть ли не миллионные масштабы, и нам можно вновь гордиться органицизмом. Миротворцы, объединившиеся в «Зеленый союз», уже десять лет как стали обычным явлением. В настоящий момент, несмотря на осторожность и конспирацию, предателей осталось совсем мало, по общим сведениям, менее четырех тысяч. И по причине непопулярности их жалких попыток и по причине их массового истребления. Мы все жалеем их заблудший разум, а потому «зеленые» объявлены таким же народом-врагом, который необходимо уничтожить. Системный «отлов зверей» давал свои результаты».

Текст кончился. Я положил листочки на стол художника и лег на диван. Кудесников вернулся через пару минут. Один. Но вернулся он довольно радостным, в приподнятом настроении, что меня даже удивило.

– Что это вы такой радостный, господин Кудесников? – поинтересовался я с улыбкой. Тот лишь махнул рукой. Как угодно, я не настаивал.

«Прочитали?» – написал он мне.

Я кивнул.

В тот вечер мы больше к тексту не возвращались. Вести беседу с Кудесниковым всегда было трудно, но мне нравилась его компания. Довольно умный и атмосферный человек.

«Зеленые», кстати, напали потом на мой Централис, постройку-то такой громадины нельзя было скрыть. Внешние враги тоже были рады добраться, но как в центр сильнейшего пространства проникнуть? Никак. «Зеленые» сбойсты смогли, потому что они бывшие эскадрольцы. И их заговор ударил по Централису.

Первая часть. Машина

*Посвящается темной красоте, к которой ведет
лишь темный путь.*

Первая глава

21 мая 1821 года, около 3-х часов ночи.

– Неужели ты думаешь, что старый мир еще возможен, дворянка? – я вертел ее досье в руках, не зная, что делать с ним в темноте. Вот уже пять минут, как я зашел в камеру и вел этот легкий и притягательный разговор. – Вы уже проиграла. Вашего мира больше не будет. Твой старый мир лишь занавес спектакля. Никто и не подумает, что он нужен не для развлечения.

– Все возможно, генерал. Возможной была даже наша победа, – она говорила мягко и просто. Даже с отдохновением.

Отдохновение? Ха, будто это я здесь сижу связанный и с изувеченной мордашкой.

Впрочем, при иных обстоятельствах ее голос был весьма притягательным. Искрящимся мнимым вызовом и стремящимся очаровать. Но чувствовалась в нем и сильная усталость, и не менее сильное раздражение от моего насмешливого тона.

Ее уже допросили, когда я пришел в себя. Фонд, ко всеобщему неудовольствию армии, снова вмешался в дела моего города и приказал убить всех пленных. Иногда я для вида сожалею об эскадрольских нравах: нам лучше убить лишних во имя красоты разодранного тела, чем узнать от этого тела информацию. Но одного пленника мне удалось оставить на время, я понимал, что получить сведения о восстании иным способом не смогу. Последний выживший повстанец, как назло, ничего не знал.

Скорее всего, ее пытали прессом для головы. Пресс ловко действует на неокрепших барышень, но оставляет синяки, гематомы и туман в голове.

– Тебе дали таблетку?

– Какую таблетку, генерал? Цианид? Ты же поговорить пришел, а он быстро действует.

– Нет, что ты. Лишь для головы. Я знаю, тебе она нужна, к тому же таблетка – обязательное предложение после нашей процедуры.

– Дали, – бросила она весьма угрюмо. Видимо, одна таблетка не поправила ситуации с головой. – Ловко вы действуете. Проводите пытку ржавыми железками в грязном подвале, а потом сопровождаете в идеально стерильную камеру, даете таблеточку от головы и называете пытку процедурой.

Я бы занялся «испанским сапогом», он хотя бы не портит лицо. Благо, христиане оставили нам много игрушек. Но кому они нужны в пространстве, где нет тюрем и преступни-

ков? Даже штабная тюрьма, которую я не хотел строить, сберегая деньги, обязана была быть лишь по негласной норме. И зачем здесь эти двадцать камер с толстыми решетками? Она единственная, кто сидит здесь за два года, несмотря на то, что мы в секретном городе, где всегда возможны казусы.

– Господин (она особенно язвительно произнесла это слово) генерал, где же твой сарказм? Мне кажется, ты слишком серьезен, – сочетание слова «господин» и обращения на «ты» резало уши. Да и... ей был нужен сарказм? Крайне интересно играть с человеком, который пытается быть веселым в такой ситуации.

– О, сударыня моя, право, как я мог забыть свою истинную ипостась? – на этом слове ее силуэт дернулся. – Конечно же, отныне речи мои будут наполнены иронией до краев!..

– Я рада, что ты снова стал собой, генерал. Продолжим.

– Изволь.

– Не наш ли органицизм разрешает мне думать о чем угодно, будь моя мысль естественной?

– Хватит, сударыня. Говорить про основы органики – это почти вульгарно. Это как спросить у прохожего, зачем он надел утром рубашку. Он на то и органицизм, что природен, органичен и прост.

– А ты мне растолкуй, зачем надевать рубашку. Разве голой нельзя выйти? – готов поспорить, что она усмехнулась и скривила лицо в какой-то особенной улыбке. Но было слишком темно, чтобы я мог разобрать ее черты.

– Ты же знаешь, это вызовет народное недовольство вплоть до твоей смерти. А если ты и хотела выйти такой на улицу, то бежала бы сразу ко мне домой. Я бы укрыл тебя от подлинного нашего государя.

– Сомневаюсь, генерал. Ты бы меня и выдал на государев суд.

О, этот голос! В нем чувствовался смех. В такой момент!.. Невероятно! Она приносила мне небывалое удовольствие.

– Не без этого, сударыня.

В камере было темно. Естественно, я не провел сюда электричество. Единственным источником света был фонарь двух дежурных офицеров, которые сидели в конце длинного коридора. Спасало хотя бы то, что вместо узкой двери камера обладала широкой решеткой во всю стену, так что свет от фонаря все же достигал нас.

Камера была небольшой и представляла собой идеальный квадрат. Посередине стоял столб из чугуна, к которому были привязаны руки пленницы, и стул, на котором она сидела. Тюрьму регулярно чистили до белизны, как и весь штаб, и я понятия не имел, в каком грязном подвале ей винтили голову, разве что в какой-то полуразрушенной пристройке. Что, в принципе, было необходимо для конспирации, ибо Фонд не должен был знать, что мы ее допрашивали.

Централис. Сверхсекретный военный объект, о котором знает весь мир. На дворе 19 век, а прятать города-заводы все еще не научились. Впрочем, восстание не удалось. Дни идут

слишком быстро, а тысячи человек мрут за минуты. Остался лишь один. При почти открытой вражде армии и Фонда, разумеется, публичный допрос невозможен. Но Эскадроль подарил мне еще одну игрушку, и было бы почти кощунством с ней сейчас же не поиграть. Несмотря на еще не полностью прояснившуюся голову, я спешил на этот разговор, ибо пленные еще никогда мне не доставались. Нужно было подробней разглядеть эту редкость. Не зная, как системно вести разговор с таким человеком, я задумчиво прохаживался вокруг жертвенного столба, мягко ступая по шершавому полу, чтобы не стучали каблуки сапог.

– Что же ты молчишь? Устала? Прости уж, но диван я тебе принести не смогу.

– А ты ловко скрываешь свою ненависть под маской сарказма, генерал. Изрядное количество людей попадалось на эту уловку, а? На твоих губах и в твоих глазах улыбка, а в сердце твоём презрение.

– Презрение? Ненависть? – я засмеялся. – Ты боишься и забываешь, что мы не умеем ненавидеть. Ты хочешь показаться сильной из-за страха. Ты стоишь на краю скалы, ты знаешь свою судьбу и считаешь, что терять нечего. Ты уже простилась с собой, не простив себя, и выгораживаешься тут передо мной, ибо ты обречена и полна отчаяния, – проговорил я вполне милым голосом. – Сколько книг было написано про разговоры поверженного злодея перед смертью? В скольких пьесах это обыгрывалось? Народных сказках? Стихах?

Да и в настоящей жизни, там, на западе, на вечном фронте? – я махнул рукой на запад. – Ты меня умиляешь. Да только не удивляешь.

– Сказки твои, может, и не врут, но говорят не про меня, – сказала она резко, с раздражением, – страха нет, этому есть куда более высокая и благородная причина. Эскадрольцам честь не знакома, но еще есть те, кто ее не забыл. И опять же, разве в органицизме есть зло, злодеи? Нет! Лишь те, кто нарушает общие принципы.

– Умники всегда спешат отнести все к органике. Мол, общий принцип, а на конкретные вещи и смотреть не нужно. Ты так умна, дворянка? Ах, нет же, ни земли, ни рода, ни ума, ни породы. Да ведь, дворяне породистые, как собаки. Этим ты гордишься, за это ты боролась, за имя, из-за этого страх твой мертв? Ах, мертвы и предки твои, что были дворянами. Странно даже, что за два века остатки твоего рода не забыли, кем бывали их мертвые родственники, – из глубины веков по ней пришел страшный удар – она, как и все ей подобные, наверняка боялась думать о времени, когда торжество земельного дворянства была вычеркнуто за несколько дней. Как так можно? Убить вершину общества, обманутую, верную, добрую и великодушную. Убить. Убить слишком быстро, чтобы осознать весь ужас. Великолепно!

– Другие умники все хотят напоминать мне о моих предках. Что напоминает тебе о дворянстве, кроме моей фамилии? Богатство? Так оно нажито капитализмом, воспетым

в органике. Да, я боролась за честь своих предков, которые предали сами себя. И я давно...

Я перебил ее:

– Или ты запятнала честь своих живых родителей. Ох, право, честь! Что за слово дивное? В Эскадроле давно забытое. Некому уважать род ваш, не перед кем восстанавливать честь, престиж, уважение! Я полон сомнений, что в вас есть что-то, кроме тления, все буйство духа и суета! Какие христианские мысли занимают мою голову, – на миг я задумался и сразу забыл, что она здесь.

– Мои предки тогда... Это невозможное лицемерие, генерал! Ваши проклятые сатанисты просто перебили всех христиан и высшее сосл...

Я снова перебил ее. Она становилась взволнованной.

– Тсс, – я приставил палец к губам, – аннигилировали. Ты всю жизнь видела только это слово, но все равно продолжаешь использовать другие в отношении массовых убийств.

– ...перебили все высшее сословие, – она не могла видеть, как я искривился в пренебрежении. – Почти вся аристократия предпочла смерть вашей власти. Это правильный ход, и я не горжусь своими предками за соглашательство с вами. Но я хотя бы живу из-за этого соглашения.

– Ты, наверно, думаешь, что мы убили дворян, потому что они были представителями старой власти и могли противостоять нам? Были нашими потенциальными внутренними врагами? Нет. Император лишь решил, что аристократы не

нужны, что они неорганичны и некрасивы по своей сути. Что они мешают. Что они лишние. Он милостиво предложил им отказаться от титулов, родословной и своего образа жизни, оставив за ними все имущество. Практически все дворянство поднялось на борьбу за «отечество и веру», в результате их аннигиляция заняла лишь несколько дней. Согласившиеся на сделку, в том числе и твои предки, сохранили свое имущество, а некоторые особо крупные землевладельцы в первые годы даже стали основой нашей экономики. Ныне же настоящие потомки аристократии двухсотлетней давности – это явная реликвия и редкая золотая жила во всех смыслах. Вот и вся сказка о принцессе. Которая, между прочим, сидит передо мной, исключительная и почти единственная в своем роде. Ты из того одного процента, что выжил. Одного процента дворян, что выжили, и одного процента, что выжил сегодня. Возрадуйся же, девочка.

Я остановился и с широкой покровительственной улыбкой начал вглядываться в темноту. Я стоял прямо перед ней, но даже так ничего нельзя было увидеть. В досье, которое я успел прочитать, была ее фотография, черно-белая и довольно плохая, хотя даже там была видна родовая красота. Ныне эта красота сидела тихо и прямо, высоко подняв голову.

– Когда Эскадроль очистит все, то что вы будете делать? – проговорила она наконец довольно спокойным и тихим голосом. – Миссия будет выполнена, останутся сотни миллионов одинаковых и пустых людей-органицистов вместо мил-

лиардов личностей. Сотни миллионов духовно изолированных, безразличных друг к другу людей, которые еще почему-то считают друг друга братьями вместо миллиардов действительно добрых людей и братьев. Я понимаю, что чужая жизнь для вас ничего не стоит, но, по вашей же логике, люди, желающие сильнее всего смерти и крови других ради чистки мира, возьмутся за себя, когда очистят все остальное. Если только до этого вашу пустоту не свергнут такие, как мы, или не разобьют на западе, – эта якобы более серьезная реплика была закончена почти насмешливым тоном. Я всегда сдержан, но она начинала меня бесить.

– Да, мы очищаем мир от лишнего, но не смотрим вперед. Ваше глупое восстание тоже было лишним. Несколько тысяч недовольных среди четырехсот миллионов счастливых. Любопытное зрелище.

– Я не жалею о произошедшем. И о том, что случится далее. Сегодня нас было всего четыре тысячи. Даже меньше. И что? Мы взяли Централис! Твой город, генерал, а, что скажешь? И я знаю вас, эскадролцы. И меня не пугает темнота этой камеры и то, что я не вижу твоего лица. Ты ведь тоже моего не видишь, – она махнула головой, ее волосы зашелестели в темноте. Маленькая черная фигура бунтаря в маленьком черном мире камеры. Вот и все, что от вас осталось.

– Скажи еще, что ты в выигрыше, потому что ты сидишь, а я стою. Разве что тебе на коленки сесть, девочка, – от ее детской реплики раздражение сняло как рукой. – И попро-

шу. Вы взяли Централис? Начнем с того, что я был в отпуске. Закончим тем, что вы взяли лишь несколько зданий.

– Губернатор сверхсекретного военного города был в отпуске, пока мы брали несколько ключевых зданий, – она усмехнулась.

– Я не был в отпуске несколько лет. Считаешь, что я не могу уехать на несколько дней?

– О, конечно, генерал. А знаешь, у тебя слишком много риторических вопросов. Да и обычных немало. Меня ужасает твоя манера речи. Тебе, я думаю, наплевать на меня, и ты просто странно развлекаешься.

– Фельетоны, сатиры и некрологи.

– У вас все заканчивается некрологами. Но я не боюсь за себя.

– А за кого боишься, за семью? Семья, кажется, не виновата. Они частные и, вероятно, честные люди. Тебя никак не касаются. Ты вообще не думала, почему восстали лишь четыре тысячи? Потому что остальные счастливы и любят наше общество. И нашего Императора. Ну, в конце концов, им нет дела до того, что происходит вокруг. Какое им дело до всего остального, если абсолютное большинство у нас живет богаче, чем ваша аристократия два века назад? Вас, идиотов, развешают по столбам, на западе будет реять победное знамя органического Солнца, и все будут довольны. Мы построили Рай на земле, с тем лишь условием, что на границе этого Рая идет война с демонами и чертями. А последний черт из недр

Рая сидит прямо передо мной.

– Ты единственный человек, который хотя бы как-то упоминает о христианских мифах... – мне показалось, что я услышал грустные нотки, но она сразу усмехнулась: – Это может приносить мне удовольствие.

– Что, неужели ты христианка? Как давно падшие? Держишься старой истины, как старая аристократия? Ха! Ведь так? – я приблизился к ее лицу на максимально этичное расстояние, но полумрак не решился расступиться, показывая ее глаза. – Вечность, спасение! Иконы и иноки! Мир и свечи... Елей! Что же это? Христос, Сергей Радонежский, Фома Аквинский? Мы сломали им хребет настолько быстро, что...

– Хватит, генерал, хватит, – отрезала она.

– Как угодно, – я рывком выпрямился и пошел дальше по кругу, – если подумать, ты можешь верить во что захочешь, эскадрольцы не атеисты и к подобной мерзости не призывают. Мы безразличны. И ты была безразлична. Мы вычистили христиан из наших земель и вычистим с земель на западе. Пустота, лишь она будет сиять внутри нас. И органическое Солнце на бескрайнем небе. Ты виновата лишь в том, что у тебя слишком догматичное сознание.

Она молчала несколько минут. Я даже испугался: не сломалась ли она? Еще рано.

– Человек, казалось бы, требует малого, – произнесла она через минуты довольно отстраненно. – Защиты семьи, достатка, хлеба и зрелищ. Может быть, человек и злопамятен,

неблагодарен и склонен к мести, как писал Макиавелли, но разве не склонен ли он к добру, жертвенности, милосердию и блаженству души? В критические моменты истории человек доказывал, что он все же больше светило, нежели тьма.

– О, я вижу, ты читала Никколо. Удивительно, что ты смогла его найти, при эскадрольской-то ненависти к общественным наукам и «умным» книгам в целом. А как тебе такое: «Поистине страсть к завоеваниям – дело естественное и обычное»? Или это: «Государь не должен иметь ни других помыслов, ни других забот, ни другого дела, кроме войны, военных установлений и военной науки, ибо война есть единственная обязанность, которую правитель не может возложить на другого». Последнее полностью воплотилось в Эскадроле, а первое хоть и неверно, ибо мы не завоевываем, а возвращаем, но по-своему красиво. Твои же мысли о человеке уже не подходят даже для людей запада, которые когда-нибудь будут нами очищены до конца. Но что нам какой-то Мак? Есть личности куда интереснее. Гвиччардини, скажем. «Счастье людей часто оказывается их величайшим врагом, так как оно часто делает их злыми, легкомысленными и заносчивыми; поэтому самое большое испытание для человека – устоять не столько против неудач, сколько против счастья». Ты не устояла.

Она молчала.

– Да и, в конце концов, «Человечество – это мы!»

– Кроме четырехсот миллионов есть и другие. Ваш мерз-

кий эгоцентризм невыносим. Людей на планете три миллиарда.

– Значит, мы, говоря вашим языком, самые породистые.

– Нет, в вас нет ничего... Благородство, милосердие, доброта – это порода. Нет! Для вас лишь война и безразличие.

– Ах, нотки отчаяния... Не за себя, но за мир. Ты видишь, чем это кончится, но я вижу яснее тебя. Почему же я сам не противостою этому миру? Потому что мир кончится позже моего конца, а ныне я бесконечно счастлив и хочу протянуть это счастье как можно дальше. В конце концов, я хочу тебя порадовать. Люди действительно более добрые, нежели злые, они по сути своей изначально милосердные и миролюбивые. Только эскадролцы не люди. Человек относительно христианства есть тот, кто имеет душу, а в Эскадроле полость для души вычищена. Она как вакуум. Ты бы могла так же сидеть на месте и наслаждаться, как остальные. Наслаждаться вдвойне, ибо у тебя есть повод для исторической гордости, – закончил я издевательским тоном.

– Я выбрала другой путь. Гордиться пустотой и прошлым значит лишь обманывать себя. Нужно вернуть прошлое, сбросить иго безразличия и слепой гордости. Я не против войны, я против войны без цели.

– Чушь. В итоге молох перемолол вас всех. Стоит ли нам чего-то отправить на тот свет хоть половину Земли? «Половина Земли погибнет в этом аду».

– А ты мастер цитировать непонятно что. Что же Библию

не цитируешь? Там достаточно многозначных фраз, которые ты можешь цинично вставить, отбросив контекст.

– Благодарю. А Библию я не читал. Не знаю, есть ли в библиотеках и книжных магазинах эта книга. Никогда ее не встречал, да и знакомцы мои не видели.

– Насчет этого ты не прав. В Эскадроле Библия еще есть.

– Неужели? – спросил я без всякого интереса.

– Неужели, – подтвердила она таким же тоном.

Мы помолчали несколько минут, но это явно был не конец. Я продолжал ходить вокруг нее, будто играя в музыкальные стулья, но стул был уже занят. Мне что же, нужно было ждать, когда она умрет, истлеет, и ее труху унесет ветер? Она расстроена, грустна и беспокойна. Скоро могли начаться приливы страха, которые необходимо давить, еще не время. Мне нравилось говорить с ней, но нельзя было задерживаться. Однако время в подземных казематах без окон невозможно было определить. Я посмотрел в коридор через прутья решетки. Вдалеке офицеры играли в карты, слышались их тихие голоса.

Я вновь отвлекся на нее. Сложно сказать что-нибудь о человеке, который сидит в темноте и тишине. Я не мог читать по ее лицу, ибо не видел его. Екатерина Милославская. Судя по досье, ей двадцать пять лет. Действительно, что выдает ее дворянство, кроме фамилии? Большая часть ее предков была вырезана, остальные приняли власть Эскадроля. Но она все знает и не гнушается считать себя дворянкой. Но зачем?

История ведь практически забыта за ненадобностью, из-за скуки своей. Это доставляет мне немалое удовольствие. «Мы хороним отбросы человеческого разума!» Давно похоронили, почти ничего не осталось. Большинство, благо, и не знает, что такое дворянство. Да и незачем им забивать голову.

– Танский.

– Что? – я почти испугался ее голоса, он прозвучал из густой темноты, пока я был занят ненужными мыслями. Она первый раз назвала меня по фамилии.

– Почему ты медлишь? – она вновь говорила тихо.

– Ты не боишься смерти, дворянка? Или тебе страшнее твое одиночество? Все, с кем ты работала и сражалась, пф, «плечом к плечу», – умерли.

– Это такой способ пытки? Оттягивать казнь? Я ведь уже все рассказала вашим дознавателям.

– Я пришел лишь поговорить. Ты думаешь, ты мне не любопытна? Да ты сокровище!

Она снова замолчала, ее милое и наивное недовольство обжигало на расстоянии. Она действительно почувствовала меня своим развлечением.

– Что ты вообще знаешь про Эскадроль, Милославская? Быть может, ты невозможно глупа? Если тебе известно про нас ровно столько, сколько рядовому обывателю, то это явно так. Против чего ты восстала? Против войны, вести о которой даже не доходят до ваших отдаленных земель? Я ведь знаю, где ты жила. Почти у восточной границы, у сибирских

пустынь, а война всегда на западе! Что еще? Пустота культуры? Читай книги, посещай многочисленные галереи и школы стихосложения! Консюмеризм, диктатура денег и создание из машины производящей нашего идола? Раздай все свои деньги и уйди жить в лес! Или ты не можешь быть христианкой до конца, стыдишься, сама думаешь, что милосердие – это слабость?

– Стой, Танский, остановись. Ты явно переигрываешь, ведь я уже сказала, что тебе совсем наплевать на меня. Но есть у меня одна уверенность: ты сам про этот мир почти ничего не знаешь.

– Не знаю?

– Ты знаешь лишь то, что знают все, вдобавок пару крупиц информации для генералитета. А что еще? Твое дело – воевать и управлять. Я вижу, ты много читал, поэтому сам понимаешь, что тебе, будь ты даже губернатором Централиса, многого не расскажут. Ты даже не придворный, сколько ни говори о силе Императора.

– Возможно, ты права, дворянка. Но именно органика делает наш мир невероятно простым. «Пустота упрощает».

– Делает. Органика проста как таблица умножения и почти так же механична. Соблюдай немногочисленные принципы, а остальное в любом случае получится органично, как задумано. Но... вдруг нас всех обманули? – она в который раз усмехнулась, но на этот раз особенно язвительно и несколько грустно. – Кем задумано, если для вас нет Бога?

– Императором. Природой. Мирозданием. Нами самими. Какая разница, у нас просто все есть. А ложь неорганична, лжи у нас нет. Вас – уже тоже нет.

– Органика уничтожила у нас государство и власть. Остался Император, который руководит лишь войной, и миллионы сумасшедших, которые живут за счет иллюзорной идеи и бесконечных денег, доставшихся от убитых наций. А теперь скажи, что такое Эскадроль?

– «Эскадроль – это принцип неба, разошедшийся по земле».

– Эскадроль – это не государство, верно?

– Разумеется.

– Эскадроль – это лицемерное существо, которое питается цинизмом и оксюмороном. Вы проповедуете единение народа и в итоге имеете четыреста миллионов одинаковых кровожадных лиц. Я считаю, что органицизм прижился в Эскадроле, потому что основные его черты – это унификация и нетерпимость. Я лишь не понимаю, почему на Земле вообще существует нечто подобное, как это соотносится с человеческой природой и кому это надо. К тому же, я уверена, ваш Император точно такой же, как и вы.

– Органика – это хаос. Истина – это хаос. Вселенная – это хаос. Вечность – это хаос. Бог тоже хаос, ведь он допустил нас. Я могу утверждать что угодно. Всерьез ли, в шутку. Вечность все спишет.

Милославская снова не ответила, начиная уже меня этим

раздражать.

– Хороший разговор? – непонятно к чему вдруг сказала она.

– Да, мне нравится. Только действительно, я хотел бы сесть, – не сказал бы, что это была шутка, но мы посмеялись. Говоришь, Милославская, что мы любим оксюморон? Генерал с пленником-повстанцем обсуждают общественное устройство в камере после пыток. Пожалуйста. Разве не красиво?

– Кстати, какое там у тебя полное звание?

– Генерал-майор.

– Низко.

– Я генерал-губернатор Централиса, и мне всего лишь тридцать два года.

– Хорошо, Танский. Молодец. Могу заметить, что наша доктрина, в отличие от органицизма, прижилась во всех странах мира. Там же, где не удалось ее воплотить в полной мере, быстро исчезла государственность по понятным причинам. Это как раз признак того, что разбить Эскадру могут. Весь мир заботится только о войне.

– Ох, дворянка... Меня твои темы просто замучили уже, я уже не могу их слушать. Одна тема лучше другой. Про органику зачем-то начинаешь, про чушь какую-то, про доктрину. Что ты несешь вообще, сбоист? Государственность у тебя исчезла, с ума сойти. Что ты вообще можешь знать о доктрине? – выпалил я.

Милославская все тянула разговор о политике, чем вызывала только мое уныние.

– Ха-ха-ха, а ты забавно заводишься.

– Ой, отстань, Милославская.

– А доктрина лишь давняя сказка. Царям Ромеи вздумалось, что прогресс зависит от войны. Это все знают, а Эскадроль торчит на этой гнилой идейке как на сильном наркотики. Торчит сильнее других, оттого и побеждает. Война дает толчок науке и промышленности, при этом замораживает общественность. Но доктрина эта чушь по сравнению с самой Ромеей! Гордый, но израненный золотой орел был съеден кучкой ваших паразитов. Ромея существовала задолго до Эскадролья, исповедовала восточное христианство и была государством чести, права и верности. Ромейская армия состояла из благородных воинов, да и война не была их единственным занятием. Разве что иногда, когда нужно было защитить свои государственные интересы.

– Ха-ха-ха! «Государственные интересы»! Разве не мелочно звучит? Что это такое пред вечным принципом, – я театрально махнул рукой вверх. – Хорошо. Но ромейцы не справились. Потеряли инициативу, силу духа и свою христианскую душу. Ромея была покорена Эскадролем. Мы украли их идею, вернули их территории и убили их людей. Милославские – ромейские аристократы. И ваши цари придумали нашу идею. Такая вот крупинка информации для генералитета.

– Seriously? Впрочем, это не важно. Мои предки ведь

должны были быть дворянами какой-нибудь страны, почему бы не ромейскими? В Ромее, на самом деле, не было ничего интересного. Но вот подобное государство сейчас мне бы понравилось.

В этом была ирония. Она пыталась доказать вред органицизма, а сама была безразлична, как и все мы.

– Вот же, вот. Начиталась разной дряни про ромейцев и получила сбой. Тебе можно было и не учиться читать.

– У нашего движения была большая библиотека. Но изучение прошлого нужно для построения будущего – нужно вернуть ромейскую систему. Если мы сместим органицизм, дадим Императору истинную власть, разрушим Фонд, будем вести умеренные войны и прекратим аннигиляции, создадим общественную иерархию и вернем христианство, то Эскадроль будет истинно вечным, как вы пророчите, и истинно будет править этой планетой. И самое главное, хаос не нужен сам по себе, хаос нужен для верного колебания идей, которое движет мир вперед. В противном случае Эскадроль рано или поздно сожрет сам себя. Очень трудно уходить с легкого пути, но все-таки нужно понимать, какой будет конец. Если ты и вправду думаешь, что мы подняли восстание, чтобы добиться мира, то ты, прости за прямоту, дурак. Дурак, который верит нашей «несуществующей» пропаганде. Фонд просто использует те лозунги, которые могут играть на чувствах населения, – она всей своей фигурой демонстрировала, что одна тут поняла мир.

– Интересные размышления, хотя меня совершенно не интересует, какую альтернативу вы предлагали и чего вам не хватало. Да и разве я когда-нибудь верил, что вы хотите мира? Нет, вы хотели изменения общества. Катилина, разумеется, хотел сам поиграть против нас с крапленным тузом в рукаве. Но нет, нет! Только эскадрольцы могут играть. И неужели ты думала, что с помощью глупого восстания можно добиться подобного? – я неожиданно расхохотался. – Вы слишком наивны, сударыня, как и все «зеленые».

– Конечно, я понимала, что ничего не будет, – она тоже повеселела и говорила со смехом. – Нужно было и нам тешить себя призраками. Но у нас призрак был определенным – идти к цели, верить в нее, но знать, что не добьешься. А у вас призрак более знатного рода, у вас абсолютно все призрачно. Нет ни единого столба, ни единой конкретной фразы, ни единого смысла в вашем существовании и деятельности. Органика живет ради органики, но в ней по существу ничего нет, это пыль, пустышка, пустой символ, – я запомнил последнюю фразу. – У вас из конкретики только машина. Потому что вы, эскадрольцы, даже не роботы, вы уже давно умерли и существуете по инерции.

– Мне нравится твое рассуждение. Тебе же оно тоже нравится, да? Ты бы могла выйти на площадь, собрать вокруг себя людей и выкрикивать подобные речи, народу на потеху. Эскадрольцы бы прониклись тем, что они уже мертвы, и получали бы лишь удовольствие от этих фраз. Органицизм це-

нит искренность, экспрессию и пафосные идеи. А Катилина, чего хотел он?

– Катилина – ремесленник. Он действительно хотел мира, демократии и свободы и верил в это; зря ты именно меня наивной называешь. В Зеленом союзе было очень мало истинных борцов за мир. Этим мы отличались от сопротивления на западе. За свободолюбие мы их сильно презирали. А у Катилины просто был талант организатора, который нам сильно помогал. Я не верила, что он примется крошить вас вашими же методами. Да, использовать машину против вас было его предложением. Оно всем очень понравилось, пусть и звучало фантастично.

– И то верно. Уничтожили бы вы одну машину, мы бы потратили еще пару лет на строительство такой же, а вашего движения бы уже не было. Он это понимал. Поэтому решил сам уничтожить нас с помощью этой машины. Довольно хорошая идея. Да и к тому же у вас действительно не было никаких других возможностей. Это ваше зеленое чудо будет долго обсуждаться в трактирах и светских салонах. И кто вообще придумал вашему движению эпитет «зеленый»? Мой любимый цвет испохабили. А впрочем, вы могли бы и подумать над этим сами. Громадный город-фабрика, производство секретного оружия, восстание «зеленых» повстанцев... Зачем? Гробить все движение, чтобы уничтожить одну машину? Если Катилина и правда был умным человеком, то он понимал, что такая игра – банальный фарс. А вот завладеть

машиной и попытаться с ее помощью захватить власть, или хотя бы ослабить нас – это уже красиво, хоть и смешно. И в любом случае безрезультативно. Убил бы Катилина несколько тысяч солдат, но что бы сделал с сотнями миллионов по всему Эскадролю?

– Откуда ты так хорошо его знаешь? Он служил в Фонде, пытался добиться власти во имя своих целей. Вы там встречались?

– Я его не знаю. И в Фонде я никогда не служил, это лишь чистые догадки. Но зато у меня есть кое-что от бывшего фондовского агента, – я, как мог, улыбался голосом.

– О чем ты?

– Об одной безделице, которую он непонятно для чего взял с собой вчера, – я подошел к углу, куда заранее, как зашел, положил два предмета. Одним из них была обычная толстая тетрадь светло-красного оттенка, я поднял ее. А после я сделал то, что пленница совсем не ожидала. Включил электрический фонарик, который все это время спокойно висел у меня на поясе.

– Эй! У тебя все это время был свет, и ты его не включал? Идиот!..

– Ох, не сердись, я тебе почитаю сказку на ночь, – я улыбнулся своей саркастической улыбкой и навел фонарь на лицо, дабы улыбка, наконец, была замечена.

– Что это у тебя в руках? – она кивнула головой на тетрадь, шурясь от света.

– Дневник Катилины. Он не зря взял его, знал, как все может кончиться.

– Ты не имеешь права читать его. Это же частная собственность.

– Имею. Владелец собственности проигравшего – победитель. Ты не чтешь эскадрольские традиции? Они ведь важнее понятий об имуществе.

Милославская молчала с надменно-отрешенным лицом. Теперь, в тусклом свете, ее лицо можно было подробно рассмотреть... но я не стал и опустил взгляд на тетрадь. Не хватало еще мне смотреть на этого смертника. Пусть ее истинное лицо останется для меня загадкой.

– По нашим традициям и ты теперь моя собственность. Пленник – собственность пленившего. Все еще молчишь?

– Вы же отменили рабство? – заметила она без интереса.

– А ты сейчас не человек, ты предмет, – я довольно оскалился. – Итак, дневник. Катилина писал редко и мало, но некоторая информация до нас должна была дойти, – я весьма небрежно пролистал до середины.

– «Как они мне надоели! Как я от них устал! – пишет Катилина. – Фонд оказался совсем не той корпорацией зла, которую я рассчитывал найти в этом окутанном легендами конспирированном учреждении. Это не корпорация, это балаган! Невозможно поверить, что эта секта сумасшедших может управлять нашим пространством. Хотя она и не управляет. Все задания, которые я получал и о которых мог узнать,

содержали в себе что-то вроде «подготовки лесной поляны к императорскому прибытию», или «опрос населения насчет работы газеты Администрации», или совсем нелепое «закупка необходимого оборудования в Музыкальный Дворец». Они просто поручили моему знакомому обратиться на рынок поставщиков за всем необходимым и заказать это частным образом. Нонсенс! Так не может работать механизм! Единственные важные задания связаны по большей части с войной, делами генералов, разведкой и прочим, но их обслуживает узкий круг доверенных лиц. Как я понимаю, легче было работать с обществами капиталистов, ибо они имеют больше настоящей власти.

Иерархии в Фонде нет. Все агенты Фонда являются друг другу «братьями», что мне невероятно претит. Я здесь уже почти год, но ни единственного хода наверх не нашел. Фондом на правах учредителя и исполнительного директора руководит лично император...» – черт, он написал его с маленькой буквы, презренное ничтожество! – я от злости почти кинул тетрадь Милославской в лицо, но вовремя остановился. Судя по ее внимательным голубым глазам (жалею, что их все-таки заметил), она внимательно слушала и испугалась.

– Ладно, продолжим, «... и нет никакой возможности обратиться выше. Хотя мне, конечно, ясно, что Фонд прячет много важного на нижних этажах. Туда пускают лишь доверенных агентов, а у меня нет никакой возможности туда попасть. Доверенное лицо должно получить поддержку учре-

дителя. Что там может быть? Тайные хранилища? Пыточные камеры с преступниками и изменниками? Древние библиотеки? Золотой запас Эскадроля? Я так и не выяснил.

Несмотря на муки неожиданно появившейся совести, я продолжаю смотреть на лживое и циничное название «Фонд Управления и Спасения» и быть таким же лживым и циничным, ибо лицемерить сейчас выгодно...» Заметь, Милославская, чтобы пробраться выше во власть, нужно спуститься вниз.

– Катилина никому не доверял, – проговорила Милославская после нескольких мгновений тишины. – Вокруг него образовался большой и тесный круг людей, которые верили ему почти слепо, но он считал их чужими. Вместе они сделали многое для сопротивления вам и для нападения на Централис, но сердце его было одно. Мы все знали, почему он служил в Фонде, что он пытался пробиться там к власти и оттуда изменить мир. Ему не удалось. Он имел право быть внутри таким грубым циником, потому что он окупал это своими делами.

– Ты все еще веришь ему, дворянка, пусть в твоём голосе и прибавилось грусти, – я некоторое время листал дневник, бегло вчитываясь в слова, доходя до сегодняшних событий. Писал он мало и больше о своих переживаниях, нежели о фактических событиях. Ни слова о подробностях устройства восстания написано не было.

– Я бы не сказала, что верила ему, как остальные в руко-

водстве движения. Я смогла увидеть его темные стороны и работала с «зелеными» как со структурой, а не как с центром Катилины.

– Но сам он доверял тебе важные дела?

– Да, я же сказала, что была в руководстве.

– Тогда почему дознаватели не смогли выбить из тебя информацию о том, как вы проникли в Централис? Сюда нельзя просто приехать и поселиться!

– Я же все им рассказала.

– Ты сказала, что четыре тысячи человек накачали снотворным, а проснулись вы уже здесь. Ну как можно придумать такую глупость? – я твердо решил, что люди, покинувшие органицизм, могли врать.

– Все просто, я ничего не придумала, все так и было.

– И это все, что ты скажешь? Ты понимаешь, Милославская, что это единственный вопрос, который мне интересен? Все остальное было лишь легким увеселительным диалогом.

– Я понимаю. Да. Но я просто проснулась уже внутри проходной. Вот и все, – беззаботная речь, смешанная с иронией уже моего уровня, вновь начинала меня бесить.

– Проходная фабрики – это громадный ангар на высоком холме, который охраняют сотни людей, и ты не знаешь, как ты туда попала?

– Ты понимаешь, Танский, еще даже суток не прошло, как мы оказались в ангаре и имели великие надежды на победу. И к чему все привело? Ты видишь, да?

– Да, теперь я могу тебя видеть, пока батареи не кончились, – я разочаровался в ней, она ничего не знала, и вся эта затея с вырыванием из рук Фонда одного пленного оказалась бессмысленной.

– Но почему-то совсем на меня не смотришь.

– Твое лицо не запомнит мертвая история. Его не запомнят люди и даже твои родители, если они правильные органицисты. И я тоже не хочу запоминать его. Фотографии было достаточно.

– Но ты запомнишь мой голос и эту ночь, которую мы так хорошо проводим?

Эта невероятно мерзкая шутка чуть не заставила меня сейчас же выхватить палаш и начать ее рубить. Вместо этого я просто начал читать.

– «Десять утра. Мы заняли ангар, который здесь называют проходной, и укрепились в нем. С нами бывший полковник Эскадролья, он существенно помог нам с оружием, и мы практически ни в чем не нуждаемся. Ждем специальные отряды, которые отправили за инженерами города, – к лифту, который ведет вглубь фабрики, путь преграждают огромные ворота в сорок аршин высотой. Для того чтобы открыть их, нужны знающие люди. Чудо, как они построили такие ворота в настолько малые сроки. В воздухе пахнет надеждой на победу, хотя этот запах все больше оттеняется запахом гари. Эскадроль решил разрушить ворота, ведущие в проходную. Они такие же массивные, и мы хорошо заперли их изнут-

ри. Эскадролю понадобится часов восемь, чтобы разорвать ворота даже мощнейшей артиллерией. Усталость прошла, я бодр, счастлив и спокоен.

Одиннадцать утра. Вся верхушка движения забралась на смотровой балкон, он почти под самой крышей, и отсюда видно всю проходную. Ее размеры поражают и не поддаются описанию, хотя нам известно, что потолок здесь около пятидесяти аршин. Здесь очень темно, окон в проходной нет, везде видны лучи немногочисленных фонарей. Своих людей, а нас здесь две тысячи, я едва различаю внизу. Специальные группы задерживаются. Стена, прилегающая к двери наружу, оказалась весьма хлипкой, и в ней уже виднеются небольшие просветы, оставленные снарядами артиллерии. Час дня. Инженера привели! И кого, самого Кайзенова!

Оказалось, что все специальные группы были уничтожены, но ценой многих людей этого инженера удалось захватить. У него кровные связи с уничтоженными народами, и он работает на Эскадроль, видимо, только ради славы и денег. Оппортунист. Я думал, что он малодушен и слаб, с такими-то принципами, но он наотрез отказался открывать ворота. Пришлось физически воздействовать. Ворота внутрь проходной почти разрушены, но и ворота к лифту вглубь фабрики сейчас почти открыты. Чувствую, что сегодняшний день хорошо кончится...» Это последняя запись. Вероятно, он умер через час после этих слов.

– Я не видела смерть Катилины, но уверена, что в ней

виноват Кайзенов. Этот мерзкий дряхлый старик постоянно высокомерно ворчал и говорил, что нам отомстит.

– А что за «физическое воздействие»? – с иронией спросил я, ибо методы у «зеленых» были грубее наших.

– Почти всех выгнали из помещения, куда привели Кайзенова. Когда мы снова увидели его, белый пиджак и седая борода старика были забрызганы мелкими каплями крови, и он сильно поник. И пошел открывать дверь.

– Я не видел смерти Кайзенова, но уверен, что он был счастлив умереть за Эскадроль. В конце концов, смерть приятельна и уводит в неизведанные миры... Катилина думал, что Кайзенов слаб, а он был человеком идейным и верным. Ученый решил, что его старый народ жалок, а эскадрольцы ведут мир по пути прогресса и величия.

– А как умер Катилина?

– Его убила машина. Но я не видел, мне лишь передали. Эх, ладно. Мне действительно надоело, – я отбросил дневник сбойста и вновь зашагал по камере. – Катилина написал, что наш бывший полковник помог вам с вооружением. Первый «зеленый», который был убит на моих глазах сегодня, был с пневматической винтовкой. Пневматической! Это говорит об ужасном уровне подготовки, об ужасном уровне снабжения, об ужасной организации и ужасном сознании ваших достопочтенных «зеленых» братьев. Почти все, кого я видел, страдали от отчаяния и грусти. Но не оттого, что проигрывают, а оттого, что заигрались. Эскадрольцы – заигра-

лись. Они думали, что страдают от отсутствия органики и идут против нее, а они заигрались, ведь эскадронец инстинктивно волен надевать любую маску. Только вот эти единицы потеряли ощущение самого главного – истина не имеет смысла без общественных ценностей. Лишь вместе мы побеждаем. Они, ныне уже трупы, трупы от своей врожденной глупости, поняли это в самом конце и раскаялись перед собой. А ты нет. И это останется на твоей совести даже после смерти. Но ты вот что скажи мне: разве можно убить человека пневматической винтовкой?

– Откуда я знаю? Я вообще не занималась этим вопросом. А совесть моя, как и все остальные чувства, давно истлела. Органика способствует...

– Нет, скажи, как ты думаешь, такой винтовкой можно кого-то убить?

– Понятия не имею, лично я никогда никого не убивала. Может быть, если выстрелить в глаз, то пуля достанет до мозга.

– Там даже не пули, там пульки. Но мне нравится твой ход мыслей, – я опустил фонарик и медленно прикоснулся слегка дрожащими пальцами в белой кожаной перчатке к ее щеке. Холод ее кожи чувствовался и через перчатку.

– О чем ты? – кажется, она начала что-то подозревать. И зачем-то улыбнулась. Эта ее улыбка вновь показалась мне невыносимо мерзкой.

– Чтоб тебя!.. Все-таки улыбнулась! Все-таки не понима-

ешь игру! Мерзость! – в три резких движения я отошел, разочарованно поднял руку к потолку, а потом приложил ее к лицу.

– Готова поспорить, что перчатка у тебя из человеческой кожи. Какой-нибудь ликонской девочки, которая тебе не улыбнулась.

– О, разумеется. И кожу для перчатки я срезал с еще живого тела. Благо, что я не вижу сейчас испуга в твоих глазах от неожиданно серьезной моей интонации. Только не пытайся так же мило улыбаться теперь, ты не в том положении, дорогая моя. Ты слишком упряма и самолюбива, а я не люблю упрямых.

– А если не любишь упрямых, значит, ты сам упрямый, генерал.

Я вновь хотел несколько минут помолчать, но эта «традиция» мне уже надоела.

– Тогда пора заканчивать.

– О, если ты закончил, то мы можем пойти на эшафот. Или к стенке. Куда угодно. Да, я боюсь, но я готова, будь уверен, – ее голос действительно давал понять, что она уверена. Будто бы и не было в нем того страха, о котором она сказала. Вероятно, ее следовало уважать, но я лишь ждал разрешения этой ситуации с очередной пешкой. – Когда-нибудь и ты умрешь, Танский. Быть может, твоя жизнь будет настолько насыщенной, чтобы понять, в чем ты ошибся.

– Моя смерть – процесс естественный, а твоя – необходи-

мый. Ты хороша, Милославская. В иных обстоятельствах от тебя была бы польза. Но наше знакомство сейчас завершится, и не так, как ты думаешь.

– А как же? – в ее голосе чувствовалось веселое напряжение.

Я подошел к углу, в котором до этого взял дневник. Вторым предметом, который я принес в камеру, была та самая пневматическая винтовка, что стояла, бережно прислоненная к стене. Я взял ее и начал рассматривать.

– Винтовка неплохая, если думать о внешнем виде. Красивая. Вероятно, красивая, как и ты, но я тебя не видел.

Мы усмехнулись одновременно.

– Пружинно-поршневая система, – я продолжал, – такими в тире стреляют.

– Да, и я стреляла в детстве.

– Разве ты думала тогда, что так же закончится твоя жизнь?

– Как – так же?

Она, похоже, действительно не понимала, что происходит.

– Просто. Просто закончится. Тебя не объявят предателем, о тебе не будут говорить, тебя просто забудут. И я надеюсь, что ты сейчас веришь, что попадешь в свой Рай на небе.

Я сломал ствол и вставил в него пульку. Было неудобно делать это с фонариком в руках, но нужен был свет. Я вскинул винтовку и прицелился. В какой-то миг я смотрел на все еще не верящее лицо и думал дать Милославской последнее

слово.

– Но ты же не убьешь меня из пневматики! – наконец-то я услышал панику.

– Ты сегодня упоминала сатанистов, Милославская, – говорил я, смотря через мушку прицела, – они никогда не были сатанистами. Лишь чем-то более значимым, чем обычные люди.

– Ты же знаешь, что это слухи и сказки для детей, – ее голос дрожал и нервно смеялся, – их, скорее всего, никогда и не было! Такое не могло жить. Земля бы не вынесла!

– В глаз можно попробовать, – проговорил я тихо вместо ответа.

Она хотела сказать что-то еще, но вместо этого я услышал слабый звук выстрела. В следующий миг она уже кричала с выбитым глазом. Было видно, что она старается прижать к нему руки. Я бы мог посмеяться и развязать ее, но это плохой ход. Целиться стало бы сложнее. Веки ее левого глаза были закрыты, по лицу текли две струйки крови. Она тряслась от боли, неверия и негодования.

– Да чтоб тебя, Танский! И не думай, что я буду просить о милости! Давай, стреляй же дальше, ну!

Теперь ее подгоняла боль. Я прицелился. Лицо дворянки исказило нетерпение. Ей было нестерпимо больно, но она старалась этого не показывать. Милославская желала скорейшего избавления от мук, желала смерти, отчего мне вдруг захотелось бросить ее так на несколько часов. Она продолжа-

ла говорить, а скорее кричать, но я ее уже не слушал. Стрельба практически в упор всегда особенно страшна для смертника. Это можно сравнить с лечением зубов – тебе в рот вставляют шприц, а ты ничего не можешь поделать и лишь закрываешь глаза. Вся разница в том, что у нее был закрыт только один глаз. Другой смотрел на меня с ненавистью и ожиданием, но почти уже ничего не видел. Я вновь приставил палец к губам.

– Тсс, Милославская. Не говори и не смотри, все скоро кончится, – она действительно закрыла здоровый глаз.

Выстрел. Нет, и второй выстрел не убил ее, но второй глаз также оказался закрытым навсегда. Она кричала сильнее, но уже не пыталась вырваться, вынося земные страдания как истинная христианка. Все тлен. Екатерина Милославская выглядела очень красиво. Лицо, залитое кровью, искаженное от боли, страха, отчаяния и близости смерти, с двумя красными изуродованными жерлами вместо глаз, вот он – эталон красоты.

Я улыбался, замороженный, но понимал, что пора заканчивать. Я перезарядил, подошел ближе и выстрелил в висок. К этому моменту она уже плохо соображала и больше кричала, нежели говорила нечто членораздельное. После третьего выстрела она сразу затихла, но еще подергивалась. Я выстрелил четвертый и пятый раз – висок превратился в сплошную изодранную поверхность.

Я стоял и с наслаждением смотрел на нее. Милославская

умерла, и умерла в мучениях. И это было для меня гораздо приятнее всего сегодняшнего дня. Я вышел из камеры, стараясь ни о чем не думать, но грудь моя была полна чувства восторга от самого факта смерти, которую я произвел так великолепно.

Я прошел коридор с тюремными камерами в относительно просторное помещение для тюремной охраны. Обычно оно всегда пустовало по понятным причинам, сейчас здесь даже горел камин и было тепло. Два офицера в черно-зеленых мундирах встали из-за стола и козырнули. Жестом я приказал им садиться. На их столе лежали карты, горел фонарь, а в стаканах был некий коричневый напиток. Вряд ли алкоголь, в Эскадроле никто не пил, это считается неорганичным. Наверно, квас. Они сели.

– Какие новости от Фонда, господа? Он узнал о нашем секрете? О допросе?

– Никак нет, господин генерал. Но дело ужасно сложное, фондовцы, думаю, в конце концов дознаются, – отвечал один.

– Она действительно последняя? Мог Фонд скрыть других?

– Невозможно узнать, но я не вижу поводов сомневаться.

– Хорошо. Тогда передайте Фонду, господа, что последний повстанец мертв, – я бросил эту фразу на удивление весело, что тут же зажгло улыбки и на лицах офицеров.

– Будет исполнено, ваше превосходительство, – прогово-

рил все тот же.

– Да мы все слышали, – второй был повеселее, – а вам, господин генерал, девица-то понравилась? Может, трупик-то пока не отдавать? – его шутка мне понравилась.

– В другой раз, господин офицер, в другой раз. Тело лучше поскорее вернуть, – я по-доброму усмехнулся.

Я продолжал стоять, задумчиво улыбаясь и глядя в стену, пока первый офицер не достал рацию и, настроившись на волну Фонда, начал передавать сведения. Чертов ФУС портил мне настроение, но он был императорским, я не мог против него идти. Все еще пребывая в экстазе, я беспечно бросил дневник Катилины в камин. Пышное пламя сразу стало пожирать хлипкую тетрадку.

Я посмотрел на нее, затем на офицеров и в хорошем расположении духа стал подниматься к выходу, дабы навсегда покинуть эту тюрьму и навсегда забыть Милославскую.

Вторая глава

21 мая 1821 года, около 4-х часов утра.

За последние несколько лет такой насыщенный день выдался впервые. Я был доволен. На улице застыла теплая весенняя ночь, которая вырезала для меня на небосводе несколько далеких беспечных звезд. Они мертво и холодно смотрели на меня в упор и все же предлагали насладиться своим далеким пылающим светом. Я не осуждал их за их безразличие, ибо и сам, можно сказать, был безразличен к ним. Они далеко, до них не добраться, не отомстить за их насмешливый свет, не воздать им за их вечную непричастность. А если нет, то и не надо. Пусть светят. Мечтатели смотрят на звезды, чтобы получить вдохновение, чтобы войти в столь противное мне романтическое состояние духа, чтобы просто полюбоваться, в конце концов. В Эскадроле романтиков почти нет, это считается неорганичным и общественно порицается, хотя никак и не наказывается. А зачем я смотрю на них? Быть может, в юности, больше десяти лет назад, во мне и было нечто романтическое, но сейчас я ярко сверкаю гладкой отполированной сталью своего состояния. Сверкаю так же, как эти звезды, сам став такой далекой от всех и вся безразличной звездой. И я уже не дам ответ, почему я смотрю каждый раз на небо, словно ищу там отгадки на все вопросы мира, словно от взгляда ввысь все сразу станет понятным.

Мне очень нравится, как смотрит на небо сам Эскадроль. В очень старой императорской речи, написанной более ста лет назад, были сказаны очень красивые и верные слова о небе в органическом мифе. Небо есть истинный органицизм. Вечно стоящее, монолитное, имеющее свои непререкаемые законы и, что самое главное, бесконечное во времени. Оно хмурится, льет дождем, сыплет снегом, посылает ветра и ураганы на землю и грозит градом. Радуетя, светит органическим Солнцем, бескрайней голубой далью, нависающей над всеми нами своей тяжелой, совсем уж безэмоциональной мощью. Оно есть и будет здесь всегда. Весь Эскадроль в своем едином органическом сознании тянется к этим словам как к неопровержимой истине. Тянется к небу, вверх, к вечности, к органике, к свободному телу и духу, который может творить что угодно, лишь бы выполнял редкие, но очень важные задачи. Небо будет стоять всегда, и Эскадроль будет стоять всегда. Извне нас совершенно не разбить, войей мы даже со всем миром. А если сломаемся внутри, то и сломленными разобьем всех остальных. Эскадроль – это небо на земле. Вечное и бесконечное.

Офицеры, для чего-то рассыпанные по площади у штаба, наконец заметили меня, разглядывающего небо, у темных тюремных дверей. Многие быстро спохватились, козырнули, а другие даже начинали аплодировать. Я театрально отклонился всем и помахал правой рукой в знак приветствия.

Я оглядел площадь, щурясь от повсеместного света. Ночь,

может, и темна, но по всему плацу у штаба горели прожекторы и яркие желтые фонари. После матовой темноты подвальной тюрьмы каждый фонарь казался органическим Солнцем, которое в шутку выжигает тебе глазное яблоко. Но особенно ярко ослепляли не фонари, а то, что блестело в их свете, – аккуратно собранные в ровные столбики слитки золота. Они были вынесены из штаба еще днем, до того, как здание окончательно рухнуло. Золото пролежало здесь до самой ночи. Централис не Гедонис, жители, не привыкшие к сверкающей ауре, наверняка с гордостью ходили вокруг слитков, дивились их красоте и аккуратно их поглаживали.

Военные вокруг медлительны и малоинициативны, ибо все последствия восстания уже устранены. Рабочие давно начали разбирать завал. Штаб сегодня похудел на все свои пять этажей и представлял собой по большей части груды резных белых камней, колонн, громадных блоков и панелей. Из-под обломков тут и там торчали окровавленные части тел оставшихся. Всех раненых и убитых солдат я приказал вынести также еще до распада каменного ядра. Я и не думал жалеть о разбитом здании штаба, пусть даже оно и было величественным и красивым. Мне стало противно; подул мерзкий холодный ветер, нехарактерный для теплой погоды, и я поднял ворот военного плаща.

Не знаю, почему я все стоял там, хотя было уже больше четырех часов утра и вскоре должно было светать. День был теплым, да и ночь выдалась довольно хорошая. А я как будто

примерз к месту, где стоял. Рабочим было хорошо, рабочие с энтузиазмом, весело, ликуя, на своих кранах растаскивали камни. Я решил, что они сделают это быстро, ибо работали они добросовестно, с приливом моральных сил от поверженных предателей. И рабочие, и офицеры с солдатами, и все свидетели сегодняшних происшествий поверили в Эскадроль и его органику с удесятеренной силой. Можно было различить довольные искренние улыбки на лицах людей, которые сверкали под светом прожекторов. Я тоже, довольно прищурившись, в последний раз оглядел активную площадь, заполненную людьми, и отправился медленным усталым шагом к вертолетной площадке, где меня должны были ждать. Путь не вполне близкий. Площадка на крыше штаба, как можно заметить, уже была непригодной, а другая была в трех верстах отсюда. Машину я не брал, и никакого сопровождения со мной не было. Захотелось просто прогуляться, и я пошел.

Идти оказалось приятней, чем стоять, да и ветер быстро стих. Штаб был построен на самой окраине города; я хотел подчеркнуть, что город не военный, а промышленный, и я его лишь обслуживаю. Видимо, с первых мгновений я понял, что Централис не будет мне родным, как бы я этого ни хотел. Уже в двухстах аршин от рукотворного кургана военной славы было пустынно. Впереди лежала относительно длинная и мокрая от дождя дорога, вдоль которой также стояли эти желтые фонари. Слева от дороги стояли офицерские

дома, претендовавшие на изысканность, легкость и грацию. Словно не офицеры жили в этих домах, а эксцентричные грядковские поэты. Справа лес стоял стеной. Лес в самом центре центральных губерний, которые полны лишь равнинами и полями. Лес, которому быть здесь не следует. Я шел быстро, почти не распрямляя ног. Моя тень казалась с виду абсолютно прямой, но все же было в ней нечто кривое и угловатое. Вокруг было неестественно тихо. Лишь раз тишину нарушил проезжавший мимо автобус, полный солдат. Ума не приложу, что им не спалось ночью, все сбоисты были перебиты, а рабочие прекрасно справлялись и без эскорта. Я все смотрел на фонари, думая, что же горит ярче, органические лампы или органические звезды. Это мне вскоре надоело, а дорога никак не заканчивалась. Вокруг лишь офицерские дома и лес, дома и лес.

Эти дома и этот лес Император в личном письме практически объявил моей собственностью. Три года назад, когда строительство еще шло, я крайне гордился назначением, хотя, может, и был слегка удивлен. Военная карьера складывалась закономерно. Кроме рутинных военных столкновений со старой Ликонией я побывал на престижных должностях в руководстве массовой аннигиляцией ликонских городов. Из-за моего постоянного запрашивания новейших вооружений в виде трехзарядных винтовок, напалма или химического оружия я быстро обрел славу лояльного ромейской доктрине генерала и заслужил уважение Военной Администра-

ции. Уничтожить 5 миллионов человек за полтора года – показатель хороший, так что вся моя спесь была обоснованной. Логично, что на пост генерал-губернатора города-фабрики был избран поборник доктрины, чья кровожадность и лояльность не вызывали сомнений.

Император выдернул меня из насквозь пропитанного наслаждением и счастьем главного своего города, называемого в Эскадроле глядом. Гляд – высоко сидит, далеко глядит. Трон выше кресел, кафедр и трибун. Но гляд был лишь постоянным и «оседлым» местом пребывания монарха: если бы только Император переехал в другой город – с ним бы, без сомнений, переехали миллионы жителей гляда. Название он имел лаконичное и наглядное – Преференц-Гедонис Музыкальный. Названный на неких странных мертвых языках, гляд демонстрировал типичную немую эскадрольскую насмешку над иностранщиной. Немую – никто и не думал смеяться вслух, лишь кривил губы, если вдруг доходил до такой мысли. Было бы смешно узнать этой немой толпе, что Император на самом деле в Гедонисе не живет, а его знаменитый Музыкальный Дворец лишь уловка для общественности.

Я приехал в Централис из гляда, когда строительство уже шло. Не зная местности и почти не имея здесь знакомых, я чисто случайно забрел в первый день сразу в сердце города. Удивить меня было сложно и три года назад, но то, что я там увидел, справилось со своей задачей. В самом центре само-

го центрального города Эскадры была вырыта дыра в земле. Воистину дыра, и по-другому не скажешь. Везде – внизу, на «стенах» этого котлована и вокруг него старательно делали свою работу строители и инженеры. Тогда мне пришла в голову глупая мысль, что Централис целиком будет под землей, но так, разумеется, не оказалось. На дне уже тогда можно было заметить металлический каркас будущей фабрики. Могло показаться, что внизу уже стояли какие-то работающие механизмы. Но я ничем не руководил в строительстве фабрики и не дознавался, начала ли фабрика функционировать до окончания своего творения. Зрелище меня поразило и вдохновило, и уже тогда я проникся к этому городу странным уважением. Это город-фабрика. Это – ад. Это – будущее.

Мы облепили подземную фабрику толстенными металлическими плитами и закопали. На раскопе был насыпан холм, на котором мы поставили громадный ангар с лифтом, ведущим в жаркую и темную глубь. Сам ангар мы начали называть проходной, как обычно называют контрольный пункт у заводов. Туда каждое утро спускались десятки тысяч рабочих и поднимались только вечером. Я был вполне удовлетворен тем, что фабрику достроили всего лишь за год.

Впоследствии я сделал все, чтобы этот холм стал неприступным. Заказал для проходной практически непробиваемые ворота, как внутрь, так и к лифту, которые достигали сорока аршин в высоту, о чем упоминал Катилина в своем

дневнике. Весь холм был нежно обвит берковцами колючей проволоки, лапами противопехотных мин, сотнями солдат и десятками единиц военной техники. Машину, за постройкой которой я первое время тщательно следил, построили всего за два года. Колоссальное напряжение сил, колоссальные людские жертвы, не в плане жизни, а в плане самоотдачи. И все равно – даже на второй год лица рабочих были полны восторга и страсти. Казалось, вот он – органицизм, вот она – сила его, что заставляет трудиться человека во славу свою и своего народа.

Постройкой города и фабрики я, как уже говорилось, вовсе не руководил, отдав всю власть в руки коллегии архитекторов и инженеров. Но я занимался штабом, укреплениями, поддержанием порядка, наполнением гарнизона, поставками продовольствия и материалов и некоторыми кадрами. Централис постоянно требовал новых людей, его подземная пасть все разрасталась вглубь, творя эскадрольское сердце, и эта пасть была жадной. В итоге я довел численность до пяти сот тысяч человек, вместе с рабочими, строителями, гарнизоном, их семьями и всеми остальными, и на этом остановился. Вероятно, я тогда слишком много работал, чем очень гордился и в целом чрезвычайно был доволен. Но в мире мало вечного.

Централис так и не стал мне домом, как я этого хотел. Но он стал большим – он стал моим царством, моей полновластной вотчиной. Но, опять же, вотчиной скучной и серой, не

похожей ни на мой старый родной дом, ни на мои глядовские жилища. Казалось, что принцип эскадрольского разнообразия потух здесь: все разговоры только о войне и военном производстве, главные улицы в милитаризованном монументальном стиле блекли по вечерам и наводили мрак на сознание, и даже люди – люди! – даже они здесь были одинаково скучными и томными, говорили только по делу. Сама масса города, в отличие от фабрики и главных улиц, была построена дешево; рабочие кварталы представляли собой сумбурно разбросанные груды грубо сколоченных деревянных домиков. Все было отдано фабрике, города вокруг нет. Впрочем, рабочие и служащие не грустят, за пару лет они смогут заработать здесь столько, что потом могут всю жизнь ничего не делать.

Руководить здесь последнее время было абсолютно нечем, да и незачем. А сам вид по большей части простенького рабочего города, несмотря на его размеры и великолепие главных улиц, внушал серое противное ощущение обыденности и неестественности, коим славятся все новые эскадрольские города, не имеющие еще своих традиций и особенностей. Жители таких городов еще не обжились и чувствуют себя как в гостях, как в гостях себя и ведут.

Было в самой сути города что-то до боли тоскливое, но до отчаяния неуловимое.

Вероятно, Централис был лишь фоном, и беспокоило меня совсем иное. За несколько месяцев до этого дня, а может

и больше, я вдруг начал вспоминать прошлое. Не знаю, было ли это навеяно скукой моего Централиса или вдруг я ощутил некий рубеж своей жизни, когда люди неожиданно для них самих начинают вспоминать далекие дни. В юности, в восемнадцать, в девятнадцать лет я часто вспоминал прошлое. Мне тогда казалось, что мои цветущие года, мягко говоря, не заладились, и все хорошее я видел только позади. Разумеется, это было оттого, что я уехал из этих жарких полей в прохладный, продуваемый ветром гляд. Я покинул дом и себя самого. Да, среди этих бесконечных равнин, где мы спрятали нашего милого монстра, я жил не только последние три года. Но оставил я здесь не только дом, но и нечто еще. Нечто очень важное, называемое танским обществом. Всех людей, из которых общество состояло, можно было без опаски называть моими друзьями и моим ближним кругом. Общество некогда было великим, по-юношески великим. Некогда я почти филигранно подбирал людей и крепко спаивал между собой их разные характеры и образы в единое целое. Флор фон Фогль, мой старый лучший друг и даже сопартиец по многим предприятиям, был центральной фигурой этого общества и нередко называл этот социальный эксперимент проявлением моих тиранических повадок и желанием иметь подконтрольных людей. Он говорил это в шутку, ибо и сам сильно привязался к обществу. Вероятно, сильнее, чем я. Танское общество, разумеется, велико и сейчас, но оно сильно раздроблено, мы очень давно вместе не собирались. Однако ж я

часто связываюсь с раздробленным братством для решения некоторых своих дел.

Именно этой ночью я ощутил резкий и мощный прилив ностальгии, совсем как в юности. Я явственно понял, что я должен, нет, моя прямая миссия – собрать вновь старых друзей, будто общество в целом еще чего-то стоит. После двенадцатилетнего перерыва в собраниях полным составом. Но идея мне нравилась. Я хотел, чтобы мы вместе, как раньше, сели в нашем милом городском парке у большого и крепкого дуба, кто на его корнях, кто на принесенных стульях, и мы, как высший свет центральных губерний, важно бы покутили. Иногда мы приносили в наш парк столы и прямо там трапезничали под живую музыку и чтение стихов. Мы мечтали, красовались друг перед другом, пели, рассказывали занимательные истории, высказывали свои сокровенные мысли, но, кажется, ничего не делали из того, что нарушает органические принципы. В последние дни мы даже стали пробовать легкие наркотики, что доставляло нам некоторое удовольствие, но в больших партиях нам, почти подросткам, их было сложно достать без собственных средств. О том, как я уезжал в гляд и как меня провожали, я не решился вспоминать, иначе бы я почувствовал себя совсем плохо и дошел бы до вертолета сердитым и мрачным.

У меня был альбом с фотографиями тех лет. Вероятно, сейчас он погребен под штабом. Последнее время я его смотрел. И когда я закрывал его, вдоволь насмотревшись на при-

ятные лица, лес, дуб и время юности пропадали, но я слышал шум листвы этого леса и наши звонкие красивые голоса...

Некоторых из своих друзей я и вовсе не видел долгие годы, с другими редко встречаюсь лишь по делам. Не мог знать, почему мы до сих пор не устроили встречу в Централесе или дома у Флора, который жил совсем недалеко. Прекрасно можно понять, что Флор, по своему спокойному характеру, никуда не уезжал и жил почти там же, где родился. Но, безусловно, мой друг жил уже не в нашем прелестном небольшом городе, который мне дороже всех слащавых и кичащихся (заслуженно) глядовских улиц или миссий в Централесе. Он уехал, но всего лишь на несколько десятков верст от родного города. Это позволяло Флору часто встречаться с друзьями юности, с моим обществом.

Накапливая пыль на своих сапогах и пиная камни маленьких переулков Централеса, я всегда жил одной мыслью – нужно дождаться постройки машины, а о старинных друзьях и не думал. Но Флор, Флор, моя белая воздушная птица, часто напоминал мне о том, что я бросил своих. Напоминал мне он и в эти недели, пока я жил у него. Я пропускал это мимо ушей, заботясь лишь о собственном существовании и лелея себя будущими вестями об окончании строительства императорского механизма. Осознал я все окончательно именно в момент восстания. Когда вокруг рвутся пополам людские тела, рушатся здания и восстают из недр земли боевые

машины, я должен был думать совсем не о старых друзьях.

Наконец я дошел до вертолетной площадки. Она была на крыше научной администрации. Несколько впереди находился приличных размеров научно-исследовательский кампус, ученые которого работали на фабрику и машину. Еще дальше – вокзал, а за ним продолжался лес. Я остановился, глядя вполоборота на вертолет, будто путник, который шел своей дорогой, но вдруг увидел какого-то странного лесного зверя. Отчего-то казалось и мне, что я постою и пойду дальше. Но мой штаб – мой дом – был уничтожен, не жить же мне было в гостинице? Я летел жить к Флору до оформления нового военного учреждения, которым легко займется все та же военная коллегия с умной головой Туркелова. Машина построена, фабрика разрушена, Централис потерял свое сакральное значение – он больше никому не нужен. До восстановления фабрики, разумеется, которое уже давно началось. Но при всем этом мне, как и всем эскадрольцам, было лень ехать в целом, в путешествиях любого рода было мало органики, путешествия отрывали от привычного и традиционного. Но мой дом пал, я был вынужден лететь. Вертолет уже шумел винтами на крыше, в нем были собраны все необходимые мне вещи. Я прошел КПП, слушая радостные возгласы солдат, и вскоре взлетал.

Светало. Внизу ярко горели уличными фонарями, магазинными вывесками и непотушенными пожарами три главных улицы Централиса, остальное пространство города бы-

ло темно, так что яркий желтый свет создавал на земле три неполных окружности. Центр горел наиболее ярко, огонь фабрики уходил вглубь земли на многие сотни аршин. Через какое-то время Централис исчез из поля зрения. Я ненадолго заснул и проснулся минут через двадцать, ибо мы уже были на месте. Флор жил недалеко, как и мы все когда-то...

Сейчас Флор стоял у крыльца, широко расставив ноги, и не менее широко, довольно и ехидно улыбаясь. Руки скрещены за спиной, осанка гордо выпрямлена. Похоже, он ждал меня. На улице вдруг стало холоднее, поэтому я быстрым шагом направился к крыльцу. Здесь мне нравилось больше. Централис оторвал меня от общественной жизни и, похоже, от жизни в целом. Я стал не в меру апатичным, хоть и не бросал своих сторонних занятий. А этот уютный дом, напоминавший мне прошлое, давал надежду на будущее.

Дом Флора стоит совсем недалеко от Централиса, но он был мало похож на скучный фабричный город. Напротив, Флор живет в легком и просторном доме, без изысков и претензий на высокое искусство. Выкрашенный весьма позитивными светло-синими тонами, дом в то же время с первого взгляда представлялся весьма монолитным и важным, каким и хотел представить себя его хозяин. Флор действительно имеет свой вес в обществе, которого все же сторонится, и большую часть времени проводит в своем доме, лишь иногда выезжая по коммерческим делам. Флор был владельцем крупной фармацевтической аптечной сети и, более то-

го, владельцем ряда крупных химических заводов. Рядом с его домом чувствовался дух инициативности и азарта – вокруг было множество административных строений его фирмы. Неплохая органическая шутка: главная цель предпринимателя не доход, а общественное благополучие.

Все медицинские ресурсы давно были в руках крупнейших монополий фармацевтики и аптечного бизнеса, а также производителей химического оружия. Флор занимается в том числе и последним, поэтому ему и не приходится часто выезжать из дома. Все заказы железно поддерживались императорским Фондом и гядовской Военной Администрацией, а его фабриками, по сути, управляют избранные им доверенные люди. Я не разбираюсь в фармацевтике, как Флор, или в экономике. В экономике у нас вообще никто не разбирался, все просто производят и продают, не зная никаких законов.

Дом стоит среди почти бесконечных жарких хлебных полей центральных губерний, без ограждений и без охраны. С крестьянами, которые каждое утро приезжают на свои поля, Флор был в крайне положительных отношениях. Можно сказать, даже в дружеских. По причине природной дружелюбности характера и частой помощи крестьянам деньгами или заступничеством. Здесь также пролегает хорошая дорога, но по ней, кроме крестьян и ежедневных грузовиков с покупками Флора, почти никто не ездит. Центр Эскадроля богат лишь плодородными землями и ресурсами, а основная масса

населения давно уехала на запад – ближе к глянду и фронту.

А здесь, в центре, обычно тихо и беззаботно, истинное блаженство и настоящий пример эскадрольской идиллии. Которую почему-то у нас мало кто ценит.

Флор фон Фогль. Он был невысокого роста, тридцати лет, на два года младше меня. Флор казался вполне крепким и подвижным, несмотря на природную лень. На широкой шее сидела голова весьма приличной наружности. Взгляд прямой, простой, но с блеском гордости, даже напыщенности. Также в его глазах можно было найти беспричинное беспокойство, черту мелочную, но неким образом благородно проявляющуюся. Он переживал высокомерно и резко, но искренне. Флор, не имеющий денег, разумеется, совсем бы ни о чем не переживал, ничему не учился, ничего не хотел, а в его глазах бы искрилась глупость, пустая усмешка и беззаботное веселье. Флор очень любил себя и свое блаженство в этом уединенном месте, хотя так могло совсем не показаться из-за его незамысловатого образа. Обычно он приятно и весело улыбался, как и сейчас. В целом можно было выделить две черты: бесконечную ленивую безмятежность, стремящуюся к увеселению и отдыху, и гордое стремление к финансам, к жадному безудержному накоплению и одновременно к гигантским тратам, которые не были мне известны, но пугали даже от предположения. Был он в этом словно Якопо Пацци в описании Полициано. Мне была по душе такая дихотомия. С друзьями Флор никогда не вел себя высокомерно,

был дружелюбным и слегка медлительным, разве что иногда раздражался, когда уставал. В делах же, где он мог получить прибыль, Флор был горд до грубости. Но власти и славы он не хотел совсем. Его друзья знали его истинную ипостась – он не любил этих деловых моментов своей жизни и желал бы вечно лежать на гамаке у своего дома, смотреть на поля, читать что-то незатейливо-увлекательное да пить что-то увеселительное и бодрящее.

– Ждешь? – спросил я, выдавливая иронию в голосе из своего уставшего тела.

– Жду, – ответил Флор. – Я слышал, у вас там все хорошо кончилось, с чем я тебя и поздравляю. Белые птицы помогли тебе и на этот раз.

– Вижу, ты всем доволен. Но я знаю тебя. Ты не можешь быть довольным просто оттого, что я подавил неких «зеленых» зверушек, – я наконец поравнялся с ним и пожал руку.

– Разумеется, я доволен не только этим, – он улыбнулся еще сильнее, и мы вошли в его дом.

Внутри практически все состояло из темного резного дерева дорогих пород. Мы пошли на второй этаж, в его кабинет.

– Тебя не было больше суток, и за это время ко мне заезжал Фонд. Я было разозлился, что фондовцы лезут на частную территорию, прямо как твои офицерики вчера, но причина их приезда меня обрадовала.

Он стал еще более довольным, хотя, казалось, куда боль-

ше? Деловито поправил свой синий пиджак и прикрыл глаза.

– Интригуешь, Флор Александрович. И что Фонд тебе сказал?

– Мне передали сертификат, подписанный Императором. Сертификат делает меня монополистом в сфере производства медикаментов для армии. Звучит не так престижно, как с химическим оружием, но этот сертификат увеличит мои доходы в полтора раза.

– Поздравляю. Молодец! – я редко радовался кому-то искренне, но теперь у меня получилось. Я вновь пожал ему руку. – Странно только, что вручали сами агенты Фонда, а не специальный императорский курьер. Быть может, в этом деле есть темные стороны?

– Есть, Андар, – Флор несколько помрачнел, – они тут пытались вести со мной беседу насчет тебя. О том, что я не должен с тобой связываться, если и дальше хочу радовать Императора. Я не дал им договорить и выгнал.

– Странно. Фонд целенаправленно начал вести против меня какую-то странную игру. А я ведь ненавижу интриги и борьбу за власть, это мелочно. Они не сказали, в чем причина?

– Нет, совсем никакой причины не назвали.

– Впрочем, я думаю, что у Императора нет какой-либо обиды на меня. Машину я ему построил и сегодня прекрасно показал в действии. Помнишь ведь, что из моего гарнизона забрали сорок тысяч человек? Оказывается, в недале-

кой резервации случилось восстание. Да, одновременно с нашим. Оно разразилось так сильно, что Фонд оперативно начал изымать войска из всех гарнизонов центральных губерний, не пожалев и Централис. В итоге, туда забрали и машину. Аннигилянтов подавили, машина показала себя в действии. Думаю, ее уже везут на фронт. Об остальном, думаю, ты знаешь.

– Да, осведомлен, но без деталей.

Мы вошли в его кабинет. Он, как это принято, отображал характер хозяина. Все кругом было сделано из дорогого узорчатого дерева, но это дерево было слегка грязноватым и заляпанным. Книжки на полках стояли вразброс, неаккуратно и некрасиво. На верхних полках вдоль стен находились красивые, ручной работы, фигурки различных животных; преобладали птицы. Они были выполнены из слоновой кости. На стенах висели медицинские и химические формулы. На прекрасном диване, стоявшем несколько в тени, далеко от окна, валялась чуть ли не грудями разная одежда. Диван был мягкий и бархатный, синего оттенка, и служил иногда Флору постелью. Из окна, задернутого одной шторой, было видно хлебное поле. Перед окном вплотную стояли два бюро, полностью заваленные стопками разных бумаг. Перед бюро, лицом к дверям, стоял громадный, даже громоздкий дубовый стол. Он был таким большим, что Флор не мог дотянуться до противоположного конца, когда сидел за ним. На столе почти ничего не лежало.

Я всегда испытывал странное чувство любопытства и почти восхищения, когда входил в чужой обывательский храм. Здесь все было не как у меня, все вызывало интерес, и хотелось просто наблюдать, восторгаясь, и изучать каждый предмет нового помещения, как старинный музей. Чем интересней и разнообразней помещение, тем интересней и человек, живущий в нем.

– А с какими словами Император обратился к тебе? Это же такое знаменательное событие! – проговорил я, пока мы садились за стол.

– Хм, интересненько. Наверно, стоило прочитать письмо. Его дали вместе с сертификатом.

– Ну и дурак.

– Бывает.

– Так давай сейчас и прочитаем!

– Не, мне лень, его еще и искать надо, – Флор кивнул головой на стопки бумаги за его спиной.

– Вдвойне дурак.

– Ну вот, как же я могу пойти на уступки Фонду? Мало того, что ты нас всех тотальным диктатором держишь, так еще и беспокоишься за мои отношения с Императором.

Я усмехнулся. Давно прошли те времена, когда я пытался всех друзей детства держать в единстве и согласии так, чтобы мы жили и действовали вместе. Флор иронизировал о прошлом, ибо теперь сам почти стал таким диктатором, благо, на меня его власть не распространялась. А вот бывшее

«братство» было теперь под его надзором.

– Могу поделиться одной не совсем хорошей новостью, если хочешь. На нее тебе будет также наплевать, – я изобразил досаду.

– Слушаю, – незатейливо сказал Флор.

– Нам не удалось выяснить, каким образом восставшие вообще появились в городе и как им так легко удалось все спланировать. Армия, конечно, привыкла ругать Фонд, но стоит признать, что разведку он всегда творил искусно, со знанием дела. И здесь такая ошибка. Чудо божие.

Мы засмеялись вдвоем.

– Если ты сейчас опять начнешь рассказывать свои нудные теории об эскадрольском сознании, я уйду, – весело проговорил Флор, не дав затянуться неловкой паузе.

– Не буду, не бойся. Хотя я вот вчера вспоминал, иногда какие-нибудь знаменитые ученые-биологи очень любят поговорить о сознании и политике. При этом говорят вполне органично.

– О, ты о Ценине?

– О нем, родимом.

– Давно его видел?

– Ты знаешь, когда мы встречались последний раз. С тех пор я был в гляде только один раз, но его не застал. И вряд ли я снова буду там в ближайшее время.

– Вот это-то меня и беспокоит. Ты построил машину. Отдал ее Императору. Тебе больше нечего делать в Централи-

се, а значит, ты опять уедешь в свой расписной Гедонис. А я ведь почти уговорил тебя собраться вновь, – Флор смутился от какого-то странного проявления сентиментализма и отвел глаза.

Но вдруг в коридоре послышался шум и грозный крик. В комнату ввалился поручик Краснов с ужасным выражением лица. Краснов служил моим адъютантом, одним из ответственных за город в мое отсутствие. Ирония была в том, что он точно так же ввалился в этот же дом вчера утром, когда объявил о восстании в Централисе. Флора на самом деле сложно было раздражить, но беспрепятственное вхождение непрошенных гостей на его территорию его всегда бесило.

С первого взгляда всегда казалось, что Краснов не обладает хорошим умом, что он знает, как разобрать трехзарядную винтовку, но не знает, зачем он учился читать. Хотя в его случае первое впечатление оказывалось ошибочным. Краснов, как я считаю, невероятно умен и находчив. Внешне также хорош; высок, широк в плечах и брюхе, лицо крупное, приятное, но маслянистое. У него нет никаких заслуг, нет положительных черт характера, можно сказать, вообще никаких черт характера, разве что типичная эскадрольская кровожадность. Правда, в гораздо большей степени. Рядом с эскадрольцем-котенком, сожравшим мышку, сидел тигр, сожравший всех кошек в округе. Его хотели казнить: во время проведения аннигиляции в одном из ликонских городов четыре года назад он сбежал из полка и начал убивать и наси-

ловать всех приглянувшихся ему барышень-смертниц. Органический сбой налицо, кровосмешение в любом виде за-прещалось, но я узнал об этом, и мне понравилось. Мне удалось отменить трибунал и взять Краснова под свою «опеку», уверяя всех подряд, что я хочу «вылечить» его сбой и доказать всему миру, что офицер Священного Воинства не может пойти против органики. Разумеется, мне был нужен только лояльный жестокий кадр.

Флор хотел было встать и крикнуть с кривой улыбкой: «Что ты опять здесь делаешь, собака красная?», но увидел его лицо и не стал даже вставать. Обреченный, запыхавшийся, словно чему-то не верящий, Краснов несколько секунд глотал ртом воздух как рыба и лишь потом хрипло выдал:

– Туркелов наврал! Наврал вам! Я же всегда говорил, что этот черт может ошибаться! Не грозили вам отставкой, вас возвращают в гляд!

На секунду мое лицо стало почти таким же, как у грозного поручика. На секунду.

– Как переводят? О чем ты? Меня не могут... не должны переводить! Это мой город!

Флор посмотрел на меня с досадой. Но момент получался действительно некрасивый, он угадал органические тенденции за минуту до их исполнения.

Краснов не успел больше ничего сказать. В кабинет зашел приятного вида офицер в опрятной форме. Погоны говорили о звании капитана, но я его не знал.

– Доброе утро, господа, прошу простить, что помешал вам, – начал он весьма тактично и даже немного поклонился. Вся его поза как бы демонстрировала покорность и расположенность к нам. – Если бы не поручик Краснов, предприятие вышло бы спокойнее. Мы летели с ним на одном вертолете из Централиса. Думал застать вас там, но не удалось.

– Что вам нужно? – небрежно бросил я.

– О, ничего, господин Танский, разве что сообщить новость. Я курьер Военной Администрации. Вас отставляют с поста генерал-губернатора Централиса, предлагая взамен взять во владение одну из крупнейших военных баз в предместьях гляда.

Отчаяние кольнуло мне в сердце ножом, и я пошатнулся вместе со стулом, на котором сидел.

– Отставка? По какому поводу? – ужаснулся я.

– Тише, тише, господин генерал, всякое может случиться. Это не отставка, я некрасиво выразился. Это перевод, – он был довольно скромен и даже будто бы извинялся. – Я понимаю, что вы привыкли к Централису, приросли к нему, но организационизм требует вашего пребывания уже в иных местах. Вот бумаги из Военной Администрации, – он передал мне бежевые листы, которые я пробежал глазами.

– Какова причина перевода? – спросил я, быстро придя в себя.

– Восстание в Централисе и в резервации неподалеку не были единственными. Не так давно произошло нечто

необыкновенное. На гляд было совершено крупное нападение, разрушена важная часть города. Император требует стянуть лояльные кадры.

Происходило то, что могло разрушить мое спокойствие и дальнейшие планы на жизнь, срабатывал закон подлости, будь он хоть миллион раз неорганичным.

– Я могу отсрочить перевод или отменить его? В конце концов, фабрика ведь наиболее важное место во всей Эс-кадре! Нельзя просто так переводить отсюда кадры, которые знают, как ей управлять и считают ее родной. Это же мой дом, да, я прирос к нему, как вы выразились, капитан. Централис легко восстановить и продолжать производство машин.

– О, по этому поводу, господин генерал, у меня нет компетенции говорить. И как можно отменить приказ Императора?

– Переговорив с Императором, к примеру, – сказал я заманчивым тоном, заманчивым в первую очередь для себя.

– Не думаю, что у него найдется время для аудиенции по такому вопросу. Вы же примерно знаете ситуацию на фронте. А тут еще нечто совсем немыслимое, атаки на крупные города, восстания резерваций, и даже всемогущий Фонд, – офицер как бы посмотрел вверх, – не может узнать, кто это скоординировал.

– Не знаете, кто нападал на гляд? – спросил я с серьезным сомнением.

– Даже если знаем, мне не доложили, – ответил офицер уже нейтральным тоном, собираясь уходить, – могу посоветовать обратиться к Генерал-Губернатору Гедониса, вам все равно ехать в гляд.

– А кого хотят назначить здесь губернатором вместо меня? Я переговорю и с ним. Здесь же пахнет интригами, капитан, – я поднялся со стула и взгляделся в курьера.

– Я полагаю, Централис будет под непосредственным управлением самого Императора, – ответил тот тихо.

– То есть под управлением Фонда.

– Именно так.

– Благодарю за информацию, – ответил я фальшивым тоном и протянул капитану руку.

– Эм, что? – он недоуменно посмотрел на мою руку и рефлекторно протянул свою.

– До свидания, милый друг, что же еще? – сказал я почти со злостью, улыбнувшись правой стороной лица. Сощурил правый глаз и пренебрежительно исковеркал правый кончик губ.

Капитан ушел. Флор выгнал Краснова, который молчал и с интересом разглядывал нас обоих весь короткий разговор. Выходила интересная ситуация, которая выглядела неестественной и противной, пусть Император и мог так поступить. Но я моментально и органически все принял. Решение было одно – ехать в гляд и говорить с Генерал-Губернатором Гедониса, который и был главой Военной Администрации,

об отмене перевода. Убедить администраторов в том, что я нужнее здесь, я считал возможным. Мне нужно было быстро восстановить свой престиж, свою независимость и свое общество. Новая служба в гляде, безусловно, открывала для меня миллионы новых возможностей, но она была в те же миллионы раз хуже того, что я уже имел.

К тому же мечты Флора о долгожданной встрече общества, видимо, откладывались. Флор на меня даже обиделся. Но мне было все равно.

– Я поеду в Гедонис разбираться, Флор, – проговорил я без эмоций, – здесь замешан Фонд, это ясная картина. Но отставить Генерал-Губернатора Централиса – дело невероятной сложности. Что они нашли во мне? Разрушение фабрики по моей вине? Не отрицаю этого, я знал, что Иванов мог не справиться, но какая, к черту, разница? Хоть кому-то в этом мире не наплевать на фабрику? Это еще один символ, о котором уже забыли! Отстроят заново через пару месяцев – и все проблемы решены! Это вообще не органично так заботиться о последствиях разрушения, ха-ха-ха, у Фонда сбой!

– С чего ты взял, что замешан именно Фонд? – ответил Флор голосом страдальца. – У него нет влияния на Императора, в газетах пишут, что он постоянно угрожает разогнать это злочно-синее заведение.

– Газеты-то не врут, но Фонд может действовать в обход центральной персоны. В конце концов, как можно отдать военную фабрику какому-то гражданскому ведомству? Пси-

ХОЗ.

– Мы можем собраться, пока ты не уехал...

– Это нецелесообразно. Я поговорю с Ген-Губом гляда, верну себе город и вернусь сам. Потом... – я задумался, – а знаешь, мне хватит недели, может, двух. Созывай знамена, зови наше общество, радуйся.

– Правда? – он действительно обрадовался и, кажется, подпрыгнул. Я не смотрел в его сторону. – Ты все-таки согласился?

– Общества полноценно нет уже 14 лет. Почему бы не вернуть былую славу? Пусть современная слава сильна и велика, но вид старого дружеского союза будет красивее и сильнее.

– Да-да... да, мы ведь не можем съехаться прямо сейчас, – отчего-то засуетился Флор. – Нужно несколько недель, мы, видишь ли, тоже разбрелись. Я уж думал почти обижаться за твое пренебрежение нами, – он усмехнулся, – после того как ты уехал, ты только пользовался нашими услугами, часто неорганичными, мы добывали тебе информацию, доход и влияние. А вот теперь будет обратная реакция!

– Ох, друг мой, что же вы обижались? Я прекрасно понимаю всю вашу боль и негодование, но и вы поймите меня. Я есть часть организма. Далее – радикальнее – я есть организм. И имя мне организм! Вы, друзья мне, обещали поддерживать меня, поддерживать все мои начинания и стремления, а потому и переродились в то, что вы есть сейчас.

– В твоих помощников, что ли? Белые птицы не очень до-

вольны.

– Нет, я не это хотел сказать, – отмахнулся я. – Сейчас я должен уехать. Разобраться в ситуации, прийти лично к Ген-Губу или даже к Императору. Вот тогда я узнаю обо всем и получу обратно свой город. И приеду к вам. К тому же не все так плохо, как ты думаешь, – я сначала просто саркастически усмехнулся, а потом прямо рассмеялся, – машина дает нам громадный потенциал, и мы можем победить уже в этот век, а может, и в ближайшие лет двадцать пять. Возрадуйся же за органику, сын Эскадроля! Какое дело ныне живущим до общества, когда у нас есть такие машины?

– В этот век? Веселые побрякушки вы там делаете.

– Не могу разглашать подробности пока что, но да, вроде машина настолько сильна.

– Да, мне радоваться консервативным состоянием еще пару недель, – Флор снова улыбнулся, – несмотря на то, что я сейчас центральная фигура в обществе и организую наши неполные сходки, меня считают, ха, только твоим секретарем. Секретарем аннигилятора, губернатора и тирана, – съязвил Флор.

– Радуйтесь, – резко бросил я, но смягчился: – Все ли, кстати, поблизости? Или кто-то уехал очень далеко, не зная моих вдруг возникших планов?

– Я точно не знаю, где кто, но на твой зов все съедутся. Центральные губернии слишком большие, чтобы я всех постоянно контролировал. Елисса в гляде, несколько человек

в нашем старом городе, кого-то я давно не видел. Разберусь.

– Я увижусь с Елиссой, как доберусь до Гедониса. Мы с ней уже давно договорились встретиться все по тем же тайным вопросам.

– Я смотрю, с ней ты встречаешься чаще. Даже, может быть, чаще, чем со мной.

Я невольно отвернулся, не отвечая на это.

– Будешь заезжать в башню? – спросил он.

– Не знаю, будет ли время.

– Да, время на свой прекрасный второй дом ты всегда находишь. Хотя ты вспомнил, что твой родной дом здесь, – он улыбнулся высокомерно, но панибратски, что меня вполне удовлетворило. – Мы будем ждать тебя, – его грусть об откладывающемся на несколько недель ренессансе общества не давала ему сосредоточиться, но он старательно отгонял мрак мыслей.

Этот разговор ухудшил мое впечатление. Общество теперь было, по выражению Милославской, пустым символом, а люди как бы прикреплялись к бренду. Об этом ли я грустил? О своих старых друзьях? Или, может, о Флоре, который вздумал, что дружеские посиделки под дубом важнее военной славы и моей жизни? Но не эта ли мысль старательно пролезала мне в мозги через череп все ближайшие дни? Я временно остался без своего города, что омрачало будущую радость встречи. Оставалось лишь надеяться на свою отходчивость и на благотворные события в гряде.

Время лопалось и увлекало меня за тысячу верст от центра. На запад. В гляд Гедонис.

Третья глава

20 мая 1821 года, 11 часов утра.

За окном блистало золотом широкое хлебное поле. Было приятно и жарко. Даже душно, мир почти пылал жаром, майская погода в центральных губерниях всегда отличалась почти ежедневной духотой. Золото хлебных полей расплавлялось под органическим Солнцем, а потом остужалось под сильными дождями. Огонь и вода, жар и холод, хлеб закалялся как сталь, а потому его становилось невыносимо много. На яблоне перед окном летали маленькие птички и весело пели о своей свободной короткой жизни. Меня омрачала только большая туча, появившаяся на горизонте. Но она могла пройти и мимо.

Горизонт до бесконечности был заполнен хлебными полями, и конца им не было видно. Ни единого дерева, ни единого холма, ни единого рва или куста. Лишь одинаковое желтое море на десятки верст. Это не природа, это та же машина – нам нужно пространство, чтобы прокормиться, и пространство нам дано. Обычная плоскость, обычное поле. Размером с четверть Эскадроля.

В день восстания я был отнюдь не в Централисе. Отдав все управление городом в руки выборной коллегии офицеров, я уже две недели жил у Флора. По всем военным нормам и традициям я, разумеется, не мог так поступить. Но мне фак-

тически не было никакой разницы до военных прав и обязанностей. Да тем более в пустом до безобразия городе, где я последние месяцы совсем ничего не делал. Скучал, гулял целыми днями по улицам, разглядывал вывески и скупил, наверное, все книги из немногочисленных книжных магазинов. Машина должна была быть готова через месяц, а потому я не торопился.

В ночь до этого мы с Флором посетили прелюбопытнейшее мероприятие великосветского характера. Но не вполне великосветским оно было по содержанию: суть его заключалась в подпольном употреблении нового наркотика Ц-3. В быту его называли «цетрин» или «цетришка». Наркотики, в принципе, не считались неорганическими, но их практически никто не принимал, и большинством принятие презиралось. В высшем обществе, однако, такого презрения было слегка меньше, но даже там играли с наркотиками редко – ингредиенты для изготовления было почти невозможно достать при всех несметных богатствах. Презирающий наркотики фабрикант медицины или химии никогда не продал бы ингредиенты по своему органическому закону. Посему принимали наркотик втайне, дабы не наехали десятки, а то и сотни богачей, желающих, даже проклиная себя, заполучить заветный эликсир.

Цетришка разрубала нервную систему и небольшую часть мозга, отчего личность, принявшая ее, отправлялась в мир заветных фантазий наяву, где распускаются радужные цве-

ты, поют экзотические птицы и исполняются все мечты финансового гедонизма. В это время сама личность валяется без памяти на облитом напитками ковре, нервно подрагивает и пускает слюну. При слабых дозах, правда, можно еще и разговаривать, но большинство предпочитало пережить эту микросмерть.

Пригласили, разумеется, Флора, как крупного экономического игрока, с которым все считались. Меня, по слухам, дошедшим до Централиса, также собирались позвать. Даже спрашивали мое мнение через третьих лиц, пойду ли я. Я был прекрасно осведомлен, что пригласить меня боятся, ибо в моей практике было либо не являться на такие приемы, либо закатывать там знатный скандал. Я не любил подобных мероприятий и считал, что в них слишком много сковывающего порядка и негласных правил. Следовало порядок разрушить. Раздробить. Но Флор все же предложил мне ехать, и я согласился, когда узнал цель собрания. Родилась простая и весьма приятная идея.

Я ничего не принимал, ибо ездил не за этим и наркотиками не интересуюсь. Флор же из-за моих предостережений принял только малую дозу, отчего, скажем мягко, приехал домой этой ночью не до конца удовлетворенным. Видимо, оттого стал злым и начал крушить первый этаж своего чудного дома. Безусловно, мягкий по характеру, ленивый и добрый Флор не стал бы этого делать, не будь он подговорен своим спутником «выпустить пар», которого у Флора и не

было. Я же быстро вошел в кураж и от веселья разрушил гораздо больше, чем смог сокрушить своими маленькими руками великий фармацевт. На приеме мне крушить не хотелось. Общество фабрикантов, банкиров, писателей, инженеров, военных и актеров театра, среди которых почти не было знакомых, мне не нравилось и навевало на меня скуку. Я уже давно вошел в стадию, когда новые знакомства казались ненужными и обременительными, кроме отдельных случаев. Ездил я на прием, дабы добыть рецепт цетрина, что и сделал, пока сам хозяин улыбался мне стеклянными глазами. Видимо, в ту ночь он слишком поверил мне и моим необычайно вежливым манерам, что его и сгубило.

Комната в доме Флора, в которой я находился, была обставлена в светлых тонах простой, но все же очень дорогой мебелью. На бежевых стенах висели картины, изображающие пастораль, деревни, поля и леса, в общем, что-то такое, что можно было увидеть за окном поезда. Но, как я знал, и такие картины были куплены на редких и странных аукционах за большие деньги. У Флора давно стала наблюдаться страсть покупать все только дорогое, но и от этого будто бы только богатеть. К тому же Флор, с тех пор как разбогател, решил заняться некоего рода покровительством и обеспечивал свой ближайший круг всем, как ему казалось, необходимым, несмотря на протесты. Скорее всего, он делал это не от чистого сердца, а дабы подчеркнуть свое положение. В конце концов, химическое оружие сейчас настолько востребо-

вано, в том числе и в практиках массовой аннигиляции, что он может быть и богаче меня. Правда, Флор никогда не распространялся о своих доходах.

В то утро я пребывал в ностальгии и даже некоторой грусти по все тому же танскому обществу. Флор, к которому я за три года своего генерал-губернаторства наведывался очень редко, несмотря на небольшое расстояние, будил во мне очень старые, почти забытые чувства по поводу давно канувшего в Лету дружеского объединения. Окружающая бедность на события заставляла мой мозг заниматься хоть чем-то. Впрочем, я должен был сначала обсудить вопрос о новом собрании общества с Флором. А пока что я просто сидел и думал, глядя в окно. В тот день я не планировал заниматься ничем важным, да и Флор, скорее всего, проспал бы часов даже до двух. У него никаких правил не было, и он не жил, а наслаждался. Вся его жизнь была жизнью гастронома и сибарита.

Но вдруг в смежных комнатах послышались недовольные громкие голоса.

«Ну вот, а такое хорошее утро было», – заметил я почти безразлично и повернулся к двери, подперев щеку тыльной стороной ладони.

В комнату ворвались трое. Первым вбежал Краснов, который был оставлен в Централесе в числе офицерской коллегии. Факт того, что он здесь, меня слегка напряг, и я подумал нахмурить брови. За ним вошел незнакомый офицер с

мелким чином, у которого на шею висел громоздкий аппарат с проводами и трубкой. Связной. Третьим вошел сам Флор. У всех лица были озабоченные и напряженные, но, видно, по разным причинам.

Я перевел взгляд на них и произнес весьма непринужденным голосом:

– Чем обязан, господа?

Мы с Флором кивнули друг другу. Он был пораженным и тяжело дышал. Фармацевт никогда не умел показывать свое недовольство словами, но по его виду сразу все было ясно.

– Восстание в Централесе, господин генерал! – как-то по-особенному торжественно заявил Краснов.

На секунду я искренне удивился. Я знал, что такое восстание, но никогда бы не мог предположить, что восстание возможно при органицизме. Что восстание возможно в Эскадроле. Удивление быстро прошло, и я расплылся в широкой, почти хищной улыбке.

– Как ты говоришь, Краснов? В Централесе есть кого убить?

Все засмеялись, думая, что я пошутил насчет мании к убийствам. Нервно засмеялся даже Флор, сразу повеселев. Но я говорил не об этом, шутка была про то, что в сверхсекретном городе с гарнизоном в полсотни тысяч человек произошло восстание, и об этом никто не мог дознаться до его начала. Ирония, да и только.

– Каким образом, Краснов, каким образом, мать твою, в

моем городе произошло восстание? – я специально стал говорить с грозной интонацией для эффекта, но на самом деле грозным не был. Скорее ожидал какого-то знатного развлечения. – И какого дьявола вы, идиоты, не позвонили?

Краснов сразу же сконфузился и быстро перестал смеяться. Я не был, что называется, на него в обиде, хотя именно это и хотел показать.

– Дак это... телефон не работал у господина фон Фогля, никак не дозвониться было... Да и вертолет, – Краснов вновь улыбнулся, – вертолет мы вам подали, вы бы на машине поехали, что ли?

– Не работал телефон? Флор, что у тебя с телефоном?

– Какой-то странный тип пробрался ночью в подвал и срезал все провода, – начал Флор как бы между прочим, – дворник случайно увидел его и убил лопатой по голове. Никогда у меня сбоистов не было, знаешь ли, но зачем резать провода, я понятия не имею.

Единственное, что досаждало меня, так это наша система разведки, которая так глупо дала понять, что зеленый цвет хитрее синего. Фонд всегда блестяще руководил разведкой. Еще тогда я подумал, что здесь что-то не так. Краснов здесь был лишь доверенным лицом, без инициативы, и я не мог его винить.

Я посидел с минуту в тишине и раздумьях. Офицеры стояли. Флор напыщенно сидел в кресле у противоположной стены. Ситуация складывалась интересная, если уж совсем не

критическая. Если они не смогли разбить стайку зелени своими силами, а в офицерской коллегии присутствовали довольно талантливые в стратегическом познании офицеры, к тому же численность гарнизона и вооружение тоже были на нашей стороне, то... что это может значить?

– В чем сложности, Краснов? – кажется, я действительно стал серьезным, что отразилось на присутствующих. Мне не нравились тенденции.

– Как бы вам так сказать, господин генерал... – Краснов почти смутился, посмеялся и хмыкнул. Ему не хватало еще снять фуражку и нервно помять ее в руках. – Фонд, господин генерал.

– Фонд? При чем здесь чертов Фонд? Он запрещает подавлять восстание?

– Ох, я не могу говорить, говори ты, – под моим уже почти гневным молчаливым взглядом Краснов взял за плечи молодого офицера с рацией. Не думал, что Краснов будет чего-то бояться. Разочаровывал, черт.

Связной покосился на мое скептическое лицо, не понимая, что произошло за секунду, и выпалил почти скороговоркой:

– Утром, господин генерал, в самое утро, как рассвело, быть может, еще пяти не было, а может, и с полшестого...

– Быстрее.

– Да, да, конечно, – связной не был робким по молодости, хотя ему, возможно, не было и двадцати. Из его рта звучал

хороший бодрый голос, – пришли агенты Фонда, растолкали со сна всю офицерскую коллегия, вот господин Краснов подтвердит, смотрите, какие у него нервные заspanные глаза, – глаза у Краснова действительно были заплывшие, – растолкали коллегия и объявили императорский указ о временной конфискации сорока тысяч солдат гарнизона. Не прошло и двух часов, как всех собрали, построили, рассадили по грузовикам, вертолетам и вагонам, и мы их больше не видели. Вам именем Императора приказали ничего не сообщать. Мы бы и не сообщили, но дело, сами понимаете, какое.

Закончил он с чувством выполненного долга и даже прикрыл глаза от удовольствия. Сложилось впечатление, что он сообщил рядовой рапорт рядовому генералу. Я сидел вновь молча, мрачно смотрел на стол и стучал по нему пальцами. Немыслимо! Император после моего назначения заверил меня в неприкосновенности моей власти. И что теперь? Его Фонд приходит в мое отсутствие ко мне домой и снимает сорок тысяч последних рубашек. Конфискует мое имущество, будто я какой-то ликонский князек. Это мои солдаты! Мое сокровище!

За окном еле слышно громыхнула молния. Тучи неумолимо приближались, и казалось, им нет конца. Вскоре они пожрут все небо, всю землю и этот милый уединенный особняк.

Кажется, я застыл на мгновение, потому что меня уже почти расталкивал Краснов. Как только я резко повернул к

нему голову, он тут же отшатнулся, но посмотрел на меня с располагающей улыбкой.

– «Зеленые» напали в девять часов утра. Заняли штаб, оружейную, почту, телеграф, энергетическую станцию и саму проходную. Но есть и хорошая новость, господин генерал, – вчера вечером господа инженеры подтвердили, что машина готова, – он закончил с гордостью.

Я засмеялся.

– Что, брат, хочешь сказать, что «зеленые» пришли прямо к столу? Инженеры утрудились закончить на месяц раньше?

– Видимо, так, господин генерал, – Краснов продолжал улыбаться и кивать головой.

– Операция наипростейшая, друзья мои, – я встал и все время реплики ходил туда-сюда от окна до стены, – все не слишком важные здания, занятые противником, следует взорвать. Я же говорил, что не зря под всем городом заложена взрывчатка, даже Император сначала сомневался в целесообразности! Оружейная, почта, телеграф и энергостанция будут быстро восстановлены, пару дней мы без них проживем. Всю массу войск собрать перед зданием штаба. Передавайте сейчас же!

Судя по лицу связного, он все же меня испугался.

– Андар, ты обещал не использовать взрывчатку, – почти безразлично заметил Флор.

– Какая разница, что я там обещал, – я презрительно усмехнулся и махнул рукой, – теперь у нас одно дело – уни-

чтожить их. Взрывы воодушевят армию.

– Приказы переданы, господин генерал. Подготовка взрывов займет четыре минуты.

– Прекрасно, – бросил я так раздраженно, будто ничего прекрасного не было, – свяжитесь с ближайшими военными базами и гарнизонами городов. Скажите от моего имени, что нам срочно понадобятся войска. Нам точно должны прислать. Вы связывались с Военной Администрацией?

– Связывались, – со вздохом ответил Краснов, – говорят, что сейчас никого послать не могут, причин не называют. И скажу я вам, господин генерал, Фонду очень не понравится, что мы сами подрываем Централис. И кстати, разве не следовало бы сначала фабрику-то отбить? А?

– Думаешь, Краснов, что обычное соперничество Фонда и Воинства может перелиться во что-то большее? Совсем нет. Я доверенное лицо Императора, город дефакто мой, хочу и ломаю свой конструктор. Что там с фабрикой сейчас?

– Мы штурмуем, – Краснов стал немного раздосадованным, – артиллерия бьет по воротам беспрестанно, но вы же сами их заказывали, мы потратим часов эдак пять, чтобы пробить металл. А, то есть уже часа три осталось.

– Сколько их проникло в проходную?

– Тысячи две.

– Что? Шутишь? Две тысячи зеленой рвани взяли проходную? – я запнулся, не договорив.

– Мы не знаем, как они туда проникли, господин гене-

рал, – Краснов потупил глаза.

Флор сидел почти с издевательской улыбкой, это даже меня задело.

– Флор, друг мой, а что же вы так веселы? Кажется, только что зашли сюда в самом худшем расположении духа.

Он тут же смутился.

– Война – дело, конечно, понятное, – сказал Флор, вновь помрачнев, – но не надо врываться в частные владения как к себе домой, – он бросил недобрый взгляд в сторону офицеров.

– Надо, Флор, надо. Весь Эскадроль – это дом офицера. Им везде можно, – я хитро улыбнулся одной стороной лица, наклонил голову и посмотрел на Флора сбоку.

Он смутился и помрачнел еще больше, но ничего не ответил. Наверняка уснул под утро и сейчас был дико заспанным, оттого и злее, чем должно.

– А вот теперь, господа, пора начинать. «Смерть всем!», как говорится, – я саркастически расхохотался и ушел в соседнюю комнату надевать форму.

Вскоре мы были на вертолетной площадке. Перед тем как сесть в вертолет, я подошел к до сих пор мрачному Флору.

– Я скоро вернусь, это простое дело. Мы должны закончить тот разговор. Прошу ждать.

– Белые птицы будут ждать, – ответил Флор и чуть недовольно сощурил глаза.

Мы взлетели.

Централис с высоты был похож на триллиум – цветок с тремя тонкими лепестками. Из центра цветка, из проходной фабрики, горевшей как искусственным огнем, так и естественным, расходились три лепестка, три широкие центральные улицы, горевшие, как и проходная. Они выглядели должным стандартным образом: величественные дома пепельного оттенка с колоннами, резными узорами и безличными статуями. Улицы широкие, важные, асфальтированные по первому качеству. Посередине у каждой была аллея с ухоженными деревьями. Все три улицы одинаковые, как три заводских штыка. По сути органицизм был везде разный, но здесь его плоды выросли мрачными черными монолитами, которыми так восторгалась военная среда – милитаризованная архитектура. В центре городского круга был насыпан высокий и горделивый холм, который знал, что находится в его недрах. На холме стоял ангар, в котором находилась проходная той самой фабрики. Громадный ангар уже дымился и горел, но я о нем и не думал. В городе было два холма, второй в пяти верстах от первого. На нем и стоял штаб, в сторону которого я напряженно смотрел. Нам предстояло прекрасное времяпрепровождение.

Через несколько минут я вместе с Красновым подбежал к первым линиям войск Эскадроя, стоявшим вокруг шта-

ба. Здесь, в импровизированном центре управления армией, командовал спусковым крючком капитан Иванов.

Центр управления стоял посередине улицы, во фронт штабу, почти у подножия холма. Здесь сидело несколько офицеров и связных. Центр был обставлен стальными стенами и мешками с песком. Более не требовалось, ибо у сбоек не было тяжелого вооружения. Мелкий сиюминутный штаб штурмовал штаб другой, мощный, военную крепость, высокую и крепкую, как вершина неба в эскадрольском органическом мифе. Лишь небо ценил Эскадроль, и его пустоту, и его органическое Солнце. Штаб-громаду, что рассыпался бы по камешкам, не ценили. Место не важно – важен лишь человек. Эскадрольцы и их возможности.

Иванов – организатор и подготовитель. Хорошо командует боем, строит планы и дает корректирующие советы. Знает все, от необходимого калибра для пробития стен штаба и глубины закладки бочек пороха под ним до точного ежесекундного количества солдат на вверенной ему территории. За Ивановым не водилось грехов, не было в нем ни единой темной коварной капельки, которая бы портила его картину. Он был хорошим, добрым и отзывчивым, даже скромным. Способным, трудолюбивым, исполнительным и усердным. Оттого скучным, плоским и даже утомительным. Его любили солдаты, он любил меня, но человеком Иванов был прозаичным, а оттого я использовал его лишь для войны.

Было тихо и спокойно, Священное Воинство стояло без

движения. Ветер гонял пыль по штабной площади. Пыли было много, каждый солдат принес ее на своих погонах и фуражках, выйдя бравым маршем из казарм Централиса. Здесь был практически весь гарнизон целиком, что остался. Фабрику охраняли крупичицы, она никому не была нужна. Широкие прямоугольные улицы, прямые углы, совершенно однообразная архитектура и топорное строение зданий. Массивность и изящество. Все здания были с крупичицей военной души, с частицей военного пафоса. Все здания – как все эскадролцы. Бесконечной вереницей солдат они шли вперед, не разбирая дорог. Но дороги – слабость, гораздо успешнее можно мчаться по оврагам и лесам, через реки и горы, пустыни и болота, через руины бывших городов, что должно бросить в глотку кровожадного духа, который тут же о них забудет и запросит больше.

Сверкали сапоги, сверкали пуговицы мундиров, сверкали наточенные штыки и нетерпеливые улыбки. Они ждали, ждали приказа. Не было в жизни их никакого другого наслаждения, кроме возможности принести смерть, ужас и отчаяние. Они пожирали это отчаяние, хватали его кусками из насыщенного воздуха и кромсали белыми ровными зубами.

Бой начался, но его нельзя было назвать штурмом. Бой начался с грохота, который был сильнее грохота корабельных орудий. Бой начался с музыки.

– Включайте хаос! – крикнул я, и хаос включили. Эскадролец – робот. Робот требует батареек, а солдат Священного

Воинства заряжается музыкой, хаотичной, громкой, вызывающе-протестной, сочащейся насмешкой и ненавистью. Безразличный народ такой музыке даже не дал названия, нам всегда было наплевать на звуки, мы воспевали лишь ту реакцию на наше сознание, которую подобная музыка оказывала. Башни штаба, темно-зеленые, блестящие, высокие, выше моего восторга, пали в первые минуты. Пали, сраженные огненной страстью гигантских колонок и огненным безумием гигантских запасов пороха и взрывчатки, что были и под штабом. Уничтожить штаб дело нехитрое. Уничтожить все и радоваться – вот оно единственное естественное дело эскадрольца. Танец сумасшествия и судороги от каждого возможного выстрела в песок – вот то единственное, что по-настоящему желанно эскадрольцу. Даже желания нет, лишь инстинкт. Выстрел в песок ненужный, глупый и пустой, но это выстрел. Выстрел несет смерть. Смерть несет радость.

Башни штаба рухнули, и рухнули последние надежды жалкой кучки борцов против военных вершин. Башни-вершины рухнули, что же вы не радовались, а тряслись в отчаянии и злости от собственного страха? Все вы втайне верили, что не сможете. Что невозможна победа мира, и лишь один Эскадроль мир поглотит, а ваши жалкие потуги были смешны и Богу, что смотрел на вас, по крайней мере, небезразлично.

В верхние окна штаба ворвались штурмовые группы, разбив стекла и зеленый страх. Штурм начинался с крыши. Они

ждали, «зеленые», они ждали, когда же начнется атака, но переждали и перегорели. «Зеленые» уже не были роботами и не умели заряжаться, тем более от такой музыки. На верхних этажах их разбили мгновенно, Воинство прошло там как мародерская толпа – громя и круша все, от человеческих душ до писарских столов. Они старались уничтожать, старались войти в экстаз от музыки, старались дойти до вершины насыщения, но не могли, а потому злились и крушили еще больше. Самые дисциплинированные машины мира не выходили из-под контроля, однако никто не приказывал им быть осторожными и спокойными, потому что офицеры знали кровавую традицию. Офицеры знали, что нужно громить. Офицеры знали, что нужно воину органицизма.

Штаб обстреливался пулеметчиками и снайперами, так что ни одно лицо не могло показаться в окнах и помешать штурму. Даже не штурму. Игре. Артиллерийские установки сносили целые комнаты залпами тяжелых снарядов, как только видели в них хотя бы одну «зеленую» тварь. Это не военная операция. Эскадроль играл в жизни и смерти, играл до изнеможения и прострации, играл во имя своей гордости и бремени силы. Каждый снайпер, целясь в оптику, знал старый лозунг: «Жизнь – игра, а смерть – победа». Каждый солдат, вгоняя штык, знал: «Жизнь – игра, а смерть – победа». Каждый пулеметчик, каждый артиллерист, каждый офицер, каждый... Каждый хотел подарить врагу победу. Это был праздник! Крови было столько, что даже я бы упился ей вдо-

воль. Лишь кровь, игра и праздник! К черту жизнь! Смерть – это победа. Солдаты великодушно, временами злясь от своего великодушия, отправляли «зеленых» в неизведанные белые дали иных миров, которые открываются человеку после смерти.

Саперные отряды закладывали новую взрывчатку под холм и разрывали его, обрушивали пол первого этажа. Уничтожали фундамент целыми кусками. Да, я сказал, что штаб взрывать не нужно. Я сказал, что штаб нужно сохранить. Штаб сохранили, чтобы я разрушил его лично, чтобы я сам наслаждался тем, во что не играл три долгих серых года. Все на свете серо, кроме крови. Суд Эскадролья наиболее справедлив, потому что его нет. Наказание Эскадролья самое праведное, ибо всем оно дает смерть.

Эскадрольская армия ворвалась внутрь штаба с обоих входов, парадного и черного. Я лично вел парадный вход, как хозяин входил в свой замок. Иванов командовал второй группой.

Рты слоились кровью, а глаза – безумной ее жаждой. Мы резко выбили двери, рядом с ними нас никто не ждал. Парадный вход не охранялся, «зеленые» не поставили охрану, ведь об этом уже никто не думал, ожидая поражения, или охрана просто сбежала. Я заметил одного предателя за ближайшим углом, но Краснов сшиб ему голову до того, как тот вскинул винтовку. Помню, что обратил внимание на его оружие. Пневматическая винтовка. Ничтожества. У них не было

иного оружия? Меня тянуло прикоснуться к его кровавым мозгам, что были размазаны по дорогим золотым обоям моего штаба. Но я не стал и побежал дальше. Солдаты выбивали двери под общий грохот и ужас, и все расстреливались, распарывались, раскраивались, расщеплялись, аннигилировались. Аннигиляция. Пол кусками проваливался под ногами, из комнат выбегали горящие люди, люди с проломленными головами, люди без рук и ног. Мимо павших людей без конечностей бежали торжествующие люди без души.

Мой отряд забежал в сакральное место штаба – отдел финансов. Военная казна требовала спасения из объятого жертвенным пламенем святилища войны. В отделе стоял огромный рыжий мужик, точно с картинки, в камуфляжной форме, с глазами умными, но впалыми и страдальческими. С ржавым широким топором напала эта огромная туша мяса на Священных; я резко выхватил палаш, увернулся под его замахом и распорол ему икру. Он стремительно для его размеров повернулся и рубанул воздух второй раз, но снова не попал. Я увернулся опять и отбил палашом мощный удар топора, чуть не сломав себе кисть. Рыжий разозлился и сделал прямой выпад мне в голову. Разумеется, такой тупой удар не прошел для него безвозмездно, кружить мне надоело. Я резко ткнул его палашом в сердце, и клинок зашел довольно глубоко. Мужик не ожидал такого и сделал еще пару шагов в мою сторону. Я оставил палаш у него в груди и отскочил назад, дабы будущий труп не успел ничего сделать. Рыжий упал

на спину с недоуменным выражением лица. Изящный танец вокруг зелено-рыжего отброса закончился. Я вынул палаш и всунул в ножны, не став его вытирать; казну начали вывозить. Солдаты в спешке, с дрожащими от волнения и счастья руками, вывозили огромные ящики, доверху набитые золотыми слитками. «Слитки» – сладкое слово.

Мы добрались до второго этажа, где обнаружили несколько десятков человек, занялась перестрелка. С другой стороны прибежала часть второй группы капитана Иванова. Я отобрал у кого-то трехзарядную винтовку и три раза попал в голову. Перестрелка кончилась, к моему сожалению, очень быстро, ибо эскадролцы не промахиваются. А «зеленые» уже не были нами.

Централис себя изживал, ведь монстр в глубине земной массы был уже достроен. Штаб не нужен, фабрика не нужна, проходная не нужна, энергостанция не нужна. Почта, банки, телеграфы, люди, здания, инфраструктура, литература, быт, сон, жизнь, смерть, кости крыс и китов, колыбельные для младенцев и застольные песни рабочих-удальцов – ничего не было нужно сейчас, когда ты имел право убить. «Права нужно убить!» – гласил старый лозунг Эскадроля. Зачем права, если есть инстинкты? Кажется, я входил в стадию стресса, когда уже не понимал, о чем я думаю. Мысли сами переливались в моей голове.

Штурм быстро заканчивался. И даже если штаб был большим, то количество солдат в нем было критическим, а ко-

личество боли и страданий – запредельным. Мы купались в алом озере, наслаждаясь удивительно прекрасным воем страдающих падших ничтожеств и предателей. Бой закончился на великолепном последнем этаже штаба. Стекланный потолок его уже давно разлетелся, а о неимоверно искусных рисунках на стекле моментально забыли. Это стекло было даже не кроваво-красным, зачем его помнить? Разрушенная крыша, вывезенное золото и трупы, которых никто не хотел загонять в могилы. Эскадрольских трупов совсем немного, но их сразу уносили. До «зеленых» не было дела, их никто не считал, покоя отсутствующим душам никто не желал. Органицизм.

Я был измазан кровью и гарью, чему был очень рад. Не убивая людей несколько лет, можно испытать огромное удовольствие, замарав наконец руки. По окончании боя я сразу направился в свой кабинет, дабы выполнить то, зачем я вообще штурмовал штаб. Я знал, что иду туда последний раз. Не по каким-то лирическим причинам, а потому что штаб скоро должен был развалиться. Но я знал локальную цель органической системы – штаб не должен был рухнуть, пока я его не покинул. Я вошел в кабинет. Он был открыт, но здесь явно давно никого не было. Даже «зеленые» боялись входить в губернаторские владения. Обычный человек подумал бы, что следует обыскать мое гнездо, но органицисты – а «зеленые», возможно, еще оставались ими – лишь удивились бы, подумав об этом. Удивились и прошли мимо кабинета. Та-

ким образом, мой страх, что они найдут здесь нечто, что никому находить не следовало, не оправдывался.

Кабинет был зеленым как лес с молочно-белым потолком пасмурного неба. Мебель была простая и дешевая. На большом Г-образном столе и нескольких книжных шкафах заканчивалось все убранство.

Я прикоснулся к зеленой бархатной стене около своего стола. Белая кожаная перчатка была уже скорее красная от крови; я нащупал нужное место и нажал на кнопку, марая стену. Обрывая куски обоев, из стены выкатился большой тяжелый сейф. Понадобилось два ключа и длинный кодовый замок, чтобы открыть его. В сейфе лежала лишь маленькая коробочка и несколько больших стопок документов. Коробочка была выполнена из неизвестного мне сплава, легко умещалась в кулаке и почти ничего не весила. На серебристых полированных гранях были выгравированы черные диагональные кресты. Взяв из стола большую холщовую сумку, я положил в нее документы, а коробочку убрал в карман.

Я успокоился и перевел дух. Дело было сделано. «Не зря штурмовали штаб», – подумал я.

И только тут я вспомнил, что изображено на стене напротив стола.

Я медленно повернулся. Со стены на меня смотрел труп Христа, висящего на кресте. Именно труп, что можно было понять по его застывшему мертвому стеклянному взгляду. Но при этом с его тела потоками текла яркая красная

кровь – на нем не было кожи. Три года назад я пригласил глядовского художника Кудесникова написать для меня шедевр абсолютно на любую тематику. Причем на стене, а не на холсте, чтобы эта картина была вечной. Я понял, что я наивно ошибался, когда по стене через изодранный, истерзанный череп Христа с ошметками налипшего мяса пробежала трещина. Трещина пробила нимб и убежала на этаж выше. Я не знал точно, что символизировала эта картина, но я с отчаянием всмотрелся в нее, пытаясь через гром разваливающегося здания и последние выстрелы чем-то проникнуться. Мне было жалко смотреть на мертвого. Он должен был изображать волю нашего органического неба, вечность, радость и братство. Но мертвый Христос был лишен кожи и своего предназначения. Последние капли его жертвы стекали по его ногам под крест.

В кабинет вбежал Краснов.

– Господин генерал, вы совсем с ума сошли! Штаб сейчас развалится!

– Краснов! Держи сумку. Отнеси ее в вертолет, – я отдал сумку, не отрывая взгляда от стены.

– Будет сделано, – ответил тот, взял сумку, – но господин генерал!

Пол под кабинетом смачно треснул. Судя по грохоту за стеной, что-то крупное, вроде соседнего крыла здания, начало обвалиться.

– Господин генерал, ну же! – Краснов уже схватил меня

за рукав. – Ну же, уходим!

– Да, да, Краснов, подожди, – я никак не мог отвести взгляд, – посмотри на стену...

– Да вижу я, христианин без кожи, два года на него смотрели! Пойдемте же...

– Но я смотрю на него последний раз!

Пол ответил второй трещиной, шириной в ладонь.

Я медленно перевел взгляд на Краснова и проговорил:

– Все умрут, а Эскадроль будет стоять всегда, друг мой.

Через мгновение мы уже выбегали из штаба.

* * *

– Где Туркелов? – спросил я у Краснова и Иванова уже через час. В моей «свите» числилось три офицера, но чаще всего были лишь эти двое. «Свита» составляла костяк военной коллегии Централиса. Эти три офицера являлись, тем самым, самыми влиятельными людьми здесь, не считая меня и совсем маленького отделения Фонда. Мелкое звание поручика в таком важном административном учреждении ничего не смущало и не удивляло: приказ есть закон, а удивление никогда не было свойственно эскадрольцам.

Мы ехали к проходной фабрики на машине по одной из безымянных центральных улиц. Вместе с нами шли походным маршем несколько тысяч солдат. Спешка не требовалась. Машину вел Краснов.

– Как обычно, господин генерал. Туркелов рыщет по всему городу, – ответил почти с презрительной ухмылкой Краснов. В его ответе могло показаться пренебрежение к Туркелову, они и вправду никогда особенно не ладили.

Полковник Туркелов был человеком прекрасных талантов. Грубо говоря, он как раз всегда «рыскал» везде, собирая важные сведения, налаживая связи и выполняя секретные поручения. Он всегда серьезно и просто относился к делу, но со вкусом, отчего результаты его деятельности можно было только хвалить. Возможно, Туркелов был несколько наивным в обычном общении, никогда не понимал юмора и сам никогда не шутил. И не оттого, что был томным и скучным, нет, с ним всегда можно было интересно поговорить, а оттого, что по характеру был человеком сдержанным и незамысловатым. К сожалению, он также был и невероятно скрытным, отчего ни двое моих подчиненных, ни я не имели ни единого понятия, где бы он мог находиться. Впрочем, информация, добытая им, зачастую была верной и чрезвычайно полезной, за что и можно простить ему его конспирацию. Думаю, она была ему нужна для его методов. А методов его я не знал.

До подстриженных кустиков и витражных окон мне дела не было, но улица жила, будто восстание в городе не происходило. Жители безмятежно гуляли, ходили по магазинам, лавкам и кафе, сидели на скамейках, кормили голубей и шутили под грохот тяжелых полковых орудий и взрывов по все-

му городу. Никому не было дела, улица – свободна и безразлична. Но вдруг перед неторопливо едущей машиной встала интересная личность. Краснов остановился, а мне даже пришлось выйти из машины.

– Генерал Танский, добрый день, – подошел ко мне человек под наше общее неудовольствие, – я агент Фонда, имя которого вам знать не обязательно, – агент начал фразу так, будто сам не ожидал меня встретить, но при этом обрадовался, как если бы мы давно искали встречи. – Простите, что останавливаю вашу победоносную езду, – он язвил, при этом пристально и самоуверенно смотрел в глаза. Кожа вокруг его глаз будто бы почернела, а сам взгляд был застывшим, хотя жизнь еще была в этом брэнном теле, – но я хотел бы кое-что передать. Императорский Фонд Управления и Спасения очень недоволен тем, что вас не было в городе во время начала восстания. Также мы недовольны тем, что штурм фабрики был настолько отложен. Это не послужит вам в будущем.

Он закончил весьма мрачно и стоял с руками за спиной, немного нагнувшись ко мне. Он был ниже меня ростом, а потому смотрел снизу вверх, но с вызовом, почти презрительно. Меня не нужно было долго просить, и я начал смотреть на него точно так же, но сверху вниз. Агент уверенно и криво улыбался, тогда как я готов был расхохотаться ему в лицо. Дуэль длилась секунд двадцать, пока фондовец не выдержал.

– Если вы так и планируете не отвечать мне, то...

– О, почему вы так решили, милый агент? Мне крайне

лестно, что сама императорская рука, наконец, дошла до меня. Разве что... город – мой, и императорская рука здесь я. Уверьте Императора, что машина будет спасена, а «зеленые» уничтожены. На этом все.

Фондовец выпрямился, его улыбка пропала. Он одарил меня недовольным взглядом, а затем быстро и плавно удалился в переулок, раздражающе шурша своим балахоном. Я давно не видел агентов Фонда, они всегда вызывали у меня отторжение самим своим существованием, и я избегал встречи с ними. Их форма была похожа больше не на мундир, а на синий балахон или даже больничный халат. Конечно, они не военные, а всего лишь жалкие администраторы, но их одеяние всегда казалось странным и каким-то враждебным.

Вся масса войск, имеющих в распоряжении Централиса, была построена на широких пространствах перед фабрикой. Все место перед входом в проходную промышленного здания было заполнено военной техникой и солдатами в черно-зеленых мундирах. Некоторые ровные и стройные квадраты полков стояли невозмутимо и тихо уже пятый час, но не подавали признаков усталости. Несмотря на напряженный момент, в воздухе повисли тишина и спокойствие. В ближайших кварталах не было случайных прохожих, шторы на окнах были задернуты, все магазины, аптеки и банки закрыты. Людская жизнь начиналась лишь через квартал. Яркое органическое Солнце и чистое голубое небо освещали армию,

тучи, разочаровавшие меня, не приближались. Все как будто застыло. Тишину нарушал только тихо завывающий ветер, который носил по улицам мелкий мусор и трепал офицерам волосы.

Тишину нарушал лишь ветер и огонь тяжелых полковых орудий, ведущих стрельбу по центральным воротам проходной. Огонь, грохот, яркие вспышки, снаряд разрывался в воротах, падали куски железа. Гильза снаряда выпадала из казенной части орудия. Перезарядка. Выстрел. Огонь. Грохот. Падает балка. Перезарядка. Выстрел. Огонь. Грохот. Вспышка. Выстрел. Огонь.

Огонь.

Никто уже не обращал внимания на стрельбу десятков орудий по воротам. Солдатам было привычно.

Моя вторая цель представлялась гораздо крупнее и важнее штаба, но это лишь на первый взгляд. Штурм фабрики я мог откладывать по нескольким причинам, одна из них очевидная – артиллерии требовалось время. Отдав офицерам приказ построить прибывшие войска, я задумчиво и серьезно посмотрел на ворота фабрики и отправился к оперативному штабу. Иванов был здесь и отдавал мелкие распоряжения от моего имени.

– Дополнительные войска присланы? – спросил я Иванова, продолжая смотреть на ворота.

– Никак нет, господин генерал. Как докладывает оперативный штаб, на западных, южных, восточных и северо-во-

сточных базах войск почему-то не оказалось. Нам передали, что их также забрал Фонд.

Я не успел ответить.

Ворота вдруг взяли и рухнули неожиданно для всех. Многие часы ударных стуков нескольких сотен снарядов о черную монолитную сталь сделали свое дело. С грохотом, пылью и ужасным скрежетом они обвалились со своей исполинской высоты, но упали достаточно далеко, чтобы не задеть войска. Я смотрел влоборота с сияющей улыбкой на свою работу, армия вновь радовалась от будущего количества трупов.

Черно-зеленые фигурки солдат и офицеров побежали в сияющий чернотой провал. И... вероятно, не успел упасть последний винт разрушенной металлической стены, как проходная уже была взята. Эскадролцы знали толк в штурмах: остались только тела. Сцена битвы абсолютно неинтересна, слишком много криков, сложных маневров, пороха и предсмертной боли. «Зеленые» второй раз показали себя здесь именно тем сбродом, каким их все считали. Они упорно и смело ждали вторжения в свою черную обитель: за считанные минуты для сотен людей она стала черным гробом. Была еще одна фиктивная сложность: верхушка «зелени» уже спустилась внутрь фабрики. Фиктивная, ведь у них не было ключа от машины.

Я медленно зашел внутрь и продвигался по горящим и раскорюченным развалинам бывшей проходной. Потолок и

стены еще стояли крепко, недаром эскадролцы славились своим умением строить, но в них сверкали большие дыры, через которые можно было увидеть голубое небо. Я медленно осматривал окружающее пространство, пытаюсь оценить урон, нанесенный моей проходной снаружи. Кто-то сзади поторапливал меня, кто-то желал, чтобы я отдал приказ спускаться вниз, к самой подземной фабрике. Но я медлил. Вид величественной разрухи, сотен трупов-головоломок, огня, от которого испарялась растекшаяся кровь, завораживал и не хотел отпускать. Надо мной была высота в пятьдесят аршин, ширина ангара была в два раза больше. Ощущение того, что ты находишься в громадной дымящейся пасти, в которой чернота тебя обволакивает, было незабываемым и неопишным.

Но вид ангара говорил мне: «Гляди же, генерал Эскадры, если войны твои разрушили сердце восстания за минуты, то что может сделать горстка ничтожеств, которая смогла спуститься?»

– Сколько еще вы хотите разрушать то, что мы создали? – спросил я полушепотом у черноты.

– Господин генерал, кому вы говорите? – шедший сзади Краснов недоуменно покосился на меня из-за спины.

– Сколько вы будете нарушать единство перед смертью? А?! Предатели! Аннигилянты! Трупы! – я неестественно громко зарычал и повернулся к основной массе войска. – Слава Эскадролю! Всем смерть! Смерть! Смерть! Смерть!

Смерть и война! Андес Эскадра!

– Слава! Ура! Эскадра вечна! Смерть врагам! Слава войне! – все солдаты начали зычно кричать на весь громадный ангар, отчего начался страшный гул. Священное Воинство подкидывало вверх фуражки, стреляло в потолок, приплясывало, набиралось злости и решимости.

– Вперед! На фабрику! Убейте всех сбоистов. Андес! – вскричал я в полной решимости войти в лабиринт и убить минотавра. Но кто я такой, чтобы надеяться жить так, как хочу я, а не общий принцип?

Солдаты вскинули винтовки и черными быстрыми рядами ворвались на площадку лифта, который уже поднялся.

– Господин генерал! – сзади ко мне быстро бежал Туркелов, – господин генерал, бедствие!

– Какое бедствие, Туркелов, о чем ты? – мой полковник был взволнованным, что передалось и мне, тут же сбросив мое воинственное настроение. Кровь и пот капали с его лба.

– Фонд, господин генерал, – столь частое упоминание ФУСа с обвинением во всех бедах меня уже смешило. У нас что, только одна организация, в которую можно ткнуть пальцем?

– ФУС сговорился с Военной Администрацией, чтобы лишить вас должности и выгнать из Централиса, – выпалил он на одном духу, когда отдышался, – а еще восстал резервация, ха-ха-ха, удивительно, все в один день.

В этот момент мое сознание слегка помутилось, и я очнулся лишь, когда покинул ангар.

Лично фабрику я штурмовать не стал, оставив это дело своим офицерам, в первую очередь Иванову. В мою голову закрадывались мысли, что я вообще не был здесь нужен и был пустым символом, без которого и штаб, и фабрика все равно были бы отбиты. Новости Туркелова вгоняли меня в еще большую хмурость. Мы сидели втроем в каком-то рабочем трактире, недалеко от фабрики. Рабочих здесь было невероятное множество, все тесно, но дружно сидели за дубовыми столами полуподвального помещения и пили напитки, скорее всего, совсем без наркотического состава. Эскадрольские рабочие никогда не любили наркотики.

Пока Краснов пошел беседовать с уже празднующими победу и постройку машины рабочими, Туркелов пересказывал мне некоторые детали того, что он узнал.

Больше заботила его, как ни странно, вторая новость, о восстании резервации. Он объяснил закономерный факт, что именно на подавление и были уведены все войска из Централиса и ближайших военных баз, ибо восстание носило массовый характер и явно хорошо подготовлялось. Оно проходило даже слишком бурно. Восстали все четыреста тысяч населения резервации, как раз в тот день, когда хотели начинать новый процесс аннигиляции. Аннигиляция проходила медленно, потому что внутренние резервации счита-

лись безопасными и население их быстрой зачистке не подлежало. Странность была в том, что восставшие аннигилянты воевали с вполне хорошими винтовками и приличным запасом патронов. В их действиях даже прослеживалась тактика. Их лагерь, как и все другие, представлял собой громадное грязное скопление палаток без гигиены, медицины и предметов первой необходимости. Лагерь всегда окружался стеной с патрулями, но стену аннигилянты уже отбили и сейчас, по данным Фонда, активно наступали уже на сам лагерь эскадрольского Воинства. Ранее считалось, что любое восстание аннигилянтов невозможно, ибо проигравшие всегда подавлены и чувствуют себя обреченными. Спустя два века практики этнических чисток целых народов оказалось, что бывают исключения.

Насчет моей отставки, которой Туркелов так меня напугал в начале, полковник ничего сказать не мог. Он начал вести странные отвлеченные рассуждения о том, что Фонд всегда был недоволен мной и вообще всем генералитетом. Что Фонд всеми силами хочет, чтобы армия Эскадролья также была ему подконтрольна, и у него непомерные притязания на власть. На мои замечания о том, что Фонд лишь организация Императора, которую он может распустить по первому своему желанию, и о том, что Император доверяет мне, полковник высказал некоторые сомнения. Мы всегда были с ним в попустительских отношениях, а потому он мне прямо сказал, что Императору до своего Фонда Управления и Спасе-

ния никакого дела нет. До Военной Администрации тоже, потому что она занимается лишь военными кадрами внутри пространства и поставками на фронт. Император заботится только об оперативной военной ситуации, а на остальное ему чихать. Эти мысли моего полковника мне крайне не понравились. Особенно учитывая то, что Туркелов всегда добывал достоверные сведения.

В конце концов, Туркелов с неудовольствием и смущением признался, что сведения об отставке не совсем достоверные и построены по большей части на слухах. Я уже мало слушал его, все больше погружаясь в состояние лихорадки, доходящей до злости, а потому отвечал односложно.

Тут наш разговор, медленно увядающий без более подробной информации, был прерван басистым криком:

– Эх, народ эскадрольский, погуляем, машинкой прославляемые!

Решили веселиться. Один рабочий залез на тракторную сцену и громко запел:

Свтит месяц,

Свтит ясный,

Свтит ясная звезда!

Танцем буйным и прекрасным заливаётся земля!

Танцем буйным и прекрасным заливаётся земля!

Свтит месяц,

Свтит ясный,

Свтит белая луна!

Осветили путь-дорожку мне до милого двора!

Осветили путь-дорожку мне до милого двора!

Раз налево! Раз направо!

Левой, правой мы идем!

И подскакиваем быстро,

Веселимся и поем!

Раз налево! Раз направо!

Левой, правой мы идем!

И подскакиваем быстро,

Веселимся и поем!

Мне не спится,

Не ложится,

И сон меня не берет.

Я сходил бы к машине в гости, да не знаю, где живет!

Я сходил бы к машине в гости, да не знаю, где живет!

Попросил бы я товарища, –

Мой товарищ доведет, –

Мой товарищ меня краше, ой, машинку увезет!

Мой товарищ меня краше, ой, машинку увезет!

Раз налево! Раз направо!

Левой, правой мы идем!

И подскакиваем быстро,

Веселимся и поем!

Раз налево! Раз направо!

Левой, правой мы идем!

И подскакиваем быстро,

Веселимся и поем!

Подхожу к ангару милой,

А у милой все в огнях!

*Постучал бы я в окошко – да нет уж окон на стенах!
Постучал бы я в окошко – да нет уж окон на стенах!
«Ах, машинка, стыдно, стыдно,
Сотню лет в земле лежать!» –
«А тебе, мой друг, стыднее вечность дома не бывать...»
«А тебе, мой друг, стыднее вечность дома не бывать...»
«Ты права, машинка, правда,
Спи в земельке, почивай!
Я себе найду другую – хорош машинный урожай!
Я себе найду другую – хорош машинный урожай!
Танцем буйным и прекрасным заливаётся земля!
Мы смеемся и танцуем вплоть до самого утра!
Мы смеемся и танцуем вплоть до самого утра!*

У певца был интересный баритон, он приятно картавил и всем своим голосом пытался высказать злобную усмешку. Я пригляделся к рабочим – песня их совсем не трогала. Они приплясывали, подпевали, хлопали, но их лица ни на секунду не прояснились, не ожили, глаза так и остались такими же равнодушными и холодными, какие можно обычно найти на лице каждого рабочего.

Когда песня закончилась, все обратили внимание на весело подпевавшего Краснова и закричали ему наперебой, просили его, чтобы тот заплатил трактирщику за традиционное право разнести заведение в знак победы и веселья. Поручик усмехнулся почти так же злобно, как пел рабочий, и протянул стоявшему тут же трактирщику золотые монеты. В сле-

дующую секунду трактир уже разрушался, а песня началась сначала.

Мы с Туркеловым поспешили уйти, но тут произошло то, что я не мог объяснить. Можно назвать это приступом апатии. Но проблема была куда серьезнее, мне вдруг на все стало наплевать. Машина, фабрика, восстание аннигилянтов, проблемы с Фондом, офицеры... я устал. Надо было покинуть этот город или хотя бы этот бой, ибо он мне надоел. Перед глазами все плыло, голоса моих офицеров звучали будто бы вдалеке. Кажется, в последующие минуты пришло известие, что Иванов победил, взял много пленных, но при этом использовал коробочку с ключом, запустил машину и разнес половину подземной части строения, потому что главным орудием машины были снаряды с белым фосфором, недавно открытым веществом. Как ключ оказался у Иванова – я не знал, но догадывался, что приступ апатии случился еще в проходной, я отдал ему коробку и забыл. Да и черт с ними.

С большим трудом я потом вспоминал, что случилось на площади. Из недр проходной выехал эскадрольский механический бог. Выехал на своих гусеницах, высотой загораживая и небо, и фабрику, и весь город. К тому времени, кажется, я уже почти не держался на ногах, и Краснову приходилось меня придерживать. Я не слышал, что он мне говорит, я лишь смотрел на машину такими же холодными глазами, как рабочие на своего певца, и внутри меня совершенно ничего не происходило, не было никаких эмоций, я лишь глу-

по улыбался. К моему удовольствию, апатия странным образом настигла всех, а может, остальные были просто заморожены машиной. Перед механическим монстром бежали сломая голову кучки «зеленых» повстанцев, для чего-то орущих от страха, но машина обладала десятками станковых пулеметов, несколькими тяжелыми орудийными пушками, сравнимыми лишь с корабельными мортирами и большим центральным жерлом, стреляющим зажигательными фосфорными снарядами.

Машина выглядела черство и бездушно, как и должен выглядеть кусок металла. Ее пробуждал лишь белый химический залп из широкого кратера и недавний слой блестящей серой краски. Машина не выглядела богом, но все солдаты вокруг смотрели на сорокааршинного исполина с содроганием, словно знали, что эта Машина все и закончит. Человеческие машины славил божественную машину. Они были правы, ибо эта Машина уже и была сама по себе всем Эскадролем.

Все было кончено. Титан поднялся из земли, само земное ядро вышло на поверхность.

Я уже почти падал, когда мы подняли Машину, но весь органический мир смог лицезреть свое трудолюбивое творение. Я начал думать, что мы создали то, что победит любого бога, пусть и христианского, если он метафизически существует. «Зеленых» уже к тому моменту оставалось мало, не больше двух сотен на весь город, большая часть которых

сейчас кучно выбегала из фабрики на дружелюбный обстрел Священного Воинства. В этот момент я смутно осознал, что все, что лилось из моей головы в тот день, было уродливым и ненужным пафосом.

Когда прогремел первый выстрел фосфором, я начал жутко хохотать. Тела «зеленых» вместе с асфальтом, почвой, деревьями, нашими зданиями и брошенными орудиями расплавились как восковые или даже шоколадные, настолько это было приятное зрелище. Я смеялся до боли в животе, пока «зеленые» сокращались десятками за секунды. Кожа сваливалась с мяса, мясо стекало с костей, а кости сгорали в пыль, так что физически человек из этого мира пропадал. Все эти этапы смерти проходили очень быстро, но их красочность все равно можно было наблюдать. Среди убитых на поверхности, как оказалось, был и сам Катилина.

А музыка играла и здесь, колонки давно поставили. Я медленно, как в дыму или тумане, переводил взгляд с колонки на машину и обратно. Мир ревел своим громким и резким сердцем, редела машина, редела музыка, ревели от ожогов, несовместимых с жизнью, повстанцы, ревели и кричали от счастья эскадрольские солдаты. О, что это был за рев! Под величественным органическим Солнцем, под бескрайним голубым небом тысячи солдат кричали в один голос, выли в унисон, сотрясая землю. Мы победили. Я смеялся. Смеялся и падал.

Краснов тоже смеялся своим низким голосом, смешно

поднимая руки, Иванов скромно улыбался поблизости, словно еще боясь чего-то, а Туркелов выглядел счастливым, но невозмутимым, как всегда. Меня тянули прочь незнакомые офицеры и люди в одежде врачей, но я не шел.

Вокруг нас была разрушенная площадь, которая горела, дымилась и лопалась. Гром из колонок затемнял всем разум и солнечный свет, а позади нас стояла, а скорее всего, уже и разваливалась на куски проходная фабрики. Скорее всего, это последний день Централиса, ибо фабрику уже можно было не спасти, хрупкое тонкое изделие не вынесло душевраздирающего крика, за которым последовал безразличный к технике и подземному строению штурм. Все было кончено.

Зеленые трупы весело горели белым огнем, который нельзя было потушить, и крик унимался. Я радовался, но понимал, что со мной уже совсем что-то не так и, похоже, я теряю сознание. Перед тем как упасть, я успел удивиться факту моего состояния и даже начать обдумывать его причины. Но темнота оказалась притягательнее мыслей.

* * *

21 мая 1821 года, полночь.

Я очнулся уже в кровати и с трудом открыл глаза. Желание мгновенно встать сразу оборвалось моим физическим состоянием. Слабость не только не прошла от сна, но даже несколько усилилась. Я был в богато обставленной комнате,

за окном было темно, дождь стучал по металлическому карнизу. Спинай ко мне сидел офицер, разбирал бумаги.

– Что произошло? – спросил я, пока мысли еще путались в голове.

– Доктора вас осмотрели, говорят, что ничего страшного. Какое-то переутомление. Вы же три года не сражались, все может случиться, – человеком за столом оказался Туркелов. Он встал и подошел ко мне.

– Где я? И сколько... спал?

– В отеле. Я снял вам люкс. А спали вы, – Туркелов посмотрел на наручные часы, – восемь часов. Как себя чувствуете? – спокойно задал вопрос полковник. В принципе, и я не чувствовал ничего особенного.

– Прекрасно. Хотя чувствую сильную слабость, даже раздражиться не могу. Что с Машиной?

– Ее увез Фонд на подавление резервации. Вам нужны ее подробные характеристики или описание состояние после битвы? Я могу позвать инженеров.

– К черту. Я все равно этот кусок металла больше никогда не увижу. Получается, мы все сделали? Так быстро?

– Да, восстание подавлено. Конечно, строительство и ремонт зданий потребует времени и ресурсов, но итог, я считаю, удовлетворительный. Я вот сейчас разбираюсь с бумагами насчет ремонта зданий. И мне бы идти нужно, но я дожидался, когда вы очнетесь.

– Подожди, Туркелов. Подготовь мне какого-нибудь плен-

ного для допроса.

– Пленного, простите? Странно. С этим будет проблема. Фонд, кажется, хочет казнить всех пленных без вмешательства армии. Но я посмотрю, что с этим можно сделать.

– Посмотри, я приду в себя через час.

Туркелов вышел, и моей первой мыслью в одиночестве стал белый фосфор. Будь я в нормальном состоянии, я бы восторгался им еще тогда, в бою. Фосфор был идеален. Я не смог оставить четкого образа в своей памяти из-за проклятого приступа, но люди, массово горящие белым огнем, меня приятно поразили. Зачистка лагеря аннигилянтов теперь могла проходить в несколько дней, а накрытие вражеских войск такими снарядами вызвало бы не только массовое сожжение врагов, но и уничтожение военной техники, и страшную панику. Белый цвет – цвет чистоты, истины и смерти.

От этих размышлений заболела и закружилась голова, так что я снова закрыл глаза. Гораздо приятней было осознавать, что я был виновником присутствия зарядов с фосфором в вооружении Машины. Более того, я был держателем лицензии на производство этого белого савана для мировых народов.

Это случилось полтора года назад, тогда я уже был Генерал-Губернатором, и Машина уже строилась. Процесс постройки был в большой спешке и конспирации. Это привело к тому, что проект машины уже был, а вот самое главное,

самое секретное сделано не было. Машина изначально была предназначена под химическое или зажигательное оружие, но этого обещанного «рецепта» зарядов, о котором первые месяцы моего губернаторства лишь шепотом заикались ученые, еще не изобрели. Хороший пример мутного стекла перед эскадрольским взором, на которое наклеены развеселые картинки. Все говорят – но ничего нет.

Точнее, почти не изобрели. «Рецепт» был практически готов, но официально не принят, не выбран лучший вариант на конкурсе оружейников и химиков. Как раз полтора года назад проходила конференция, а мне из глядовской Администрации пришло предложение посетить эту конференцию и самому оценить лучшие разработки эскадрольской ученой братии. Письмо, написанное в форме предложения, скорее всего, было прямым приказом. Я и сам хотел ехать. Тем более был у этой конференции один весьма неожиданный, но приятный сюрприз. Когда я ознакомился с общими сведениями о токсинах и ученых, с обширными комментариями ко всей этой конференции, я обнаружил, что лидирующее положение в конкурсе занимает ученый-биолог по фамилии Ценин, с которым я некогда был очень хорошо знаком. С Цениным мы вместе учились в Военной Академии Гедониса. Да, он тоже поначалу хотел стать офицером, но его исключили с первого же курса за то, что он постоянно сбегал с плаца на биологические чтения. Потом он поступил в Институт химического оружия.

После этого мы с Цениным почти не связывались, но отношения на расстоянии поддерживали хорошие, чем я и решил воспользоваться. Конференция проходила далеко от Централиса и даже далеко от Гедониса. В холодном горном замке на большой высоте среди льда и снега, там, где до нас никто бы не добрался. Мы сами добрались до этого замка лишь чудом. Это был один из тех немногих эскадрольских замков, который был построен нашими усилиями, а не остался от аннигилянтов. На него ушли колоссальные средства, огромное количество металла, оборудования и, по всей видимости, людских жизней. Строить громаду на крутых снежных склонах в сильный мороз – дело страшное. Высокая металлическая конструкция, стоявшая среди ледяных вершин, не давала понять даже эскадрольцам: зачем ее вообще, мать вашу, здесь построили? Даже если, как оказалось, одинокий металлический замок был заводом. Оружейным императорским заводом, производившим то ли артиллерийские снаряды, то ли еще что-то. Да, конспиративно. Да, надежно. Да, грандиозно. Но вопрос с перевозкой туда-сюда ресурсов и готовой продукции оставался открытым.

Но на саму конференцию я не пошел, выбор химической заразы, которая будет вровень органицизму уничтожать врагов человечества, от меня совсем не зависел. Де-юре я должен был просто познакомиться с учеными, приглядеться к ним. Но слушать в течение нескольких часов нудные речи сил у меня никогда не было. К тому же я знал, что вся эта

катавасия будет длиться неделю, откуда не выберут лидера, коим, вне сомнений, был Ценин. В Эскадроле всегда любили устраивать совещания по вопросам, которые уже заочно решены. Это помогало рассмотреть все варианты и точки зрения, но несколько тормозило делопроизводство.

Я приехал за три дня до конференции, и, как это у меня принято, ни с кем не знакомясь и не заводя связей, жил инкогнито. Хотя и довольно пышно, в том замке мне выделили шикарные апартаменты. Весь мой досуг в дни до конференции состоял в методичном и скрупулезном исследовании замка. Карта замка, разумеется, была, но мне было интереснее бродить там самому. И, несмотря на его размеры, за три дня изучения многочисленных коридоров, лестниц и залов я выучил замок довольно хорошо. Но лишь ту его маленькую часть, которая была общественной, ведь 90 % территории занимал закрытый для посещения завод. Замок показался мне совершенно омерзительным, везде висели какие-то противные знамена и стояли железные люди с огромными и странными мечами. Я не нашел смысла в этих железных людях, так что просто принял их за интерьер.

На четвертый день я также бродил по уже знакомым местам в поисках того, что я мог не заметить. На уме была надежда на маленький неохраняемый ход, через который можно было выйти в новое, доселе невиданное крыло. Я знал в тот день, что конференция уже идет, но идти на нее не было никакого желания и интереса. Конечно, там могли расска-

зывать важную информацию по практическому использованию различных химических газов, но Администрация в любом случае выписала бы нам специальные пособия. Я бы все равно их прочитал, ибо в Централесе кроме чтения нечем заняться.

Бросив бесплодную попытку найти новое крыло, я отправился в свое любимое место – гостевую комнату на самом верхнем этаже. В ней никогда никого не было, потому что идти до нее было долго, а рядом не располагалось ничего существенного. Верхний и далекий этаж был пуст и одиноч. Это придавало ему шарма и некой таинственности. Комната представляла собой просторное помещение, обставленное в темно-сиреневых тонах. Посередине стояло несколько бархатных диванов, а у стен – стеклянные шкафы с различными напитками. Кроме этого в комнате лежали лишь ковры и стояли различные растения. Я никогда не видел прислугу, которая их поливает, но почва обычно была влажной. Из неостекленного маленького балкончика с колоннами открывался прекрасный вид на горы. Странно, но от этого не становилось холодно. Я сидел в той комнате по многу часов все три предыдущих дня и собирался заняться этим вновь.

Но каковым же было мое разочарование, когда я, входя в комнату, обнаружил стоящего у окна человека в белом халате, который курил трубку. «Ясно, какой-то профессор все-таки понял, что их дело скучно до невыносимого, и не явился. Но какого черта он делает здесь?» – думал я, не имея воз-

возможности разглядеть ученого, потому что яркий свет органического Солнца над горами загораживал мне его фигуру. Но этот запах табака...

От человека прямо исходила гнетущая унылая атмосфера, будто унылостью вонял его табак. Человек обернулся, сделал последний вдох дыма, потушил трубку и убрал ее во внутренний карман халата.

Но тут, как по команде, органическое Солнце скрылось за тучей, и я смог разглядеть своего комнатного визави.

– Господин Ценин, – начал я медленно и с некоторым довольством, – добрый день.

Я встал у двери в характерной позе, наклонил торс и оценивающе посмотрел на него, обрадовавшись такому повороту событий. А я-то думал ловить тогда ученого после окончания конференции.

Ценин несколько опешил, будто не сразу узнал меня. Но потом его лицо прояснилось, и он невольно изобразил небольшую улыбку. Поначалу его лицо действительно было унылым, но он тут же сменил выражение на почти возвышенно-лирическое, даже на мгновение улыбнулся. Ценин закрыл глаза, потряс головой, сложил руки на груди и глубоко вздохнул. Меня эти глупые, очевидно, нервные приготовления только забавляли.

На лицо ученого спадали длинные выющиеся темно-русые волосы. На лице росли редкие усы, к низу от которых висел тяжелый рот. Отстраненный серый взгляд, выходя сквозь

линзы очков, терялся где-то недалеко, упираясь в невидимую стену. Черную рубашку закрывал, по всей видимости, никогда не снимаемый потрепанный халат, из-под него виднелись черные брюки, которым, как казалось, было уже лет двадцать.

– Искандар, – после небольшой паузы ученый повел бровью и добавил, видимо, для торжественности: – Романович. Добрый.

– Ха, что же вы не на конференции, друг мой? Вы же, право, должны были туда бежать сломя голову. Демонстрировать Эскадролю наши достижения. Вы не представляете, сколько я людей убью с вашим изобретением, – я громко рассмеялся и подошел к дивану, опершись об его спинку. Я сразу повеселел и забылся, как я делаю всегда в присутствии людей, от которых нельзя ожидать ничего отрицательного.

– Я-с... В общем, – он явно замялся и не знал, какую отговорку придумать, – считайте, что нет настроения. Хотя ваше заявление о будущих убийствах с помощью моего творения добавляет мне толику удовлетворения, – ученый сразу сжал губы, будто в предчувствии, что сказал что-то не так.

– И почему нет настроения?

– Настроение есть, но довольно гнетущее. Весьма часто такое происходит без причины или по причинам пустяковым. Это даже можно назвать унынием, если бы я не пытался вывести себя из этого состояния. Проблемы на работе накладываются на проблемы личные. Я надеялся выступить

с докладом для людей разбирающихся, как, по крайней мере, думалось мне, но нашел атмосферу весьма для этого не подходящей. Угнетенность взяла свое, сломав во мне всякое желание действовать, как планировали действовать коллеги. Понаблюдать за горным пейзажем, отстранившись абсолютно от всего, уйдя в свои миры, я счел единственным возможным вариантом. Люблю горы... И этот туман, который красиво окутывает пейзаж, делая его менее различимым, но более красивым. Отчуждение – то, что мне нужно сейчас. Но ваши резкие шаги, Искандар, прервали мой долгожданный и сладкий отдых.

Ценина прорвало поэтично (органично ли?) высказаться, но закончил он так, что сам смутился и сейчас наверняка ощущал себя почти виноватым. Я пристально наблюдал за ним во время его слов, а вот он постоянно отводил взгляд. Когда он закончил, я усмехнулся.

– Нет настроения? Я тоже не хочу слушать эту толпу бормочущих смутьянов, – я резко сел на диван и закинул ногу на ногу. – В них, безусловно, громадный смысл, но смысла сидеть и слушать у меня нет, – я на минуту задумался и замолчал. – Сколько же мы не виделись? Вероятно, года четыре прошло с нашей последней мимолетной встречи.

Он облокотился о стену недалеко от дивана, устремив задумчивый взгляд куда-то вверх.

– Около того. Впрочем, я почти никого не видел за последние годы. Разве что подопытных да ассистентов. И то, один

из новых ассистентов после неоднозначной фразы об императорской власти решил проблему с дефицитом подопытных, пополнив их ряды. Оказался очередной органический сбой. Впредь работаю только с давно знакомыми людьми.

– Что? Почему очередной? Их много? Вы, видно, шутите, господин Ценин, это невозможно. Неужели мы с господами аннигилировали столько народов, что вам на экскременты уже не хватает? – я встал и подошел к стеклянному шкафу у стены, что стоял в тени. Достал оттуда бутылку красного виатора, который большинством ученых не принимался за наркотик, а лишь имел его свойства, и протянул Ценину. – Будете?

– Естественно, – на его лице появилась капля иронии. Кажется, виатор был обычной газировкой, по крайней мере, в нем было много газов. Красный виатор обладал приторным и противным вкусом вишни. Зеленый был с лаймом и лимоном, оранжевый виатор – с апельсином, синий – с непонятным химическим вкусом, а секрет рецепта черного не раскрывался. Шутили даже, что черный виатор делают из переработанной нефти, однако он был самым вкусным.

Продолжив следить за моими действиями, Ценин проговорил оправдание:

– Хватает-с. Подопытных вполне хватает. Только их доставить надо, а опыты расписаны по часам. Не говоря уже о том, что не все пациенты сохраняются в полном здравии до начала процедур-с, – он кашлянул и нервно посмеялся.

– Знаете, уж простите, конечно, – извинение я высказал с выдавленной театральностью, – но слушать о научном даже в таком виде сейчас бы не хотелось. Мы еще успеем это обговорить.

– Ладно-с, ладно-с, герр воитель, давайте оставим естественные науки на потом, – Ценин косо поглядел на бордовую жидкость в бутылке, предвкушая первый глоток. – Мне бы сейчас чуть-чуть бурления в крови не помешало.

Я выпил стакан залпом и устался в одну точку, как это обычно бывает. Мгновенно все мысли пропали, и в голове наступил преднамеренный вакуум. Я не реагировал ни на что и не двигался.

Он также сделал первый глоток, а потом, как гурман, долго распробовал напиток во рту. Не знаю, что он в нем нашел, зелье совершенно прозаичное. Смачно вздохнув, будто от облегчения, он сел рядом со мной.

– После нескольких затягов трубки стоять совсем не хочется. А затяги среди курителей этого прибора не приветствуются. Ладно... Как дела на фронтах? Затворник, – Ценин указал на себя большим пальцем, – как всегда ничего не знаю.

Видимо, он очень давно не говорил с теми, кому можно доверять, а потому сейчас я от него слышал очень много слов. Что, впрочем, было на руку.

– Фронт? На фронте плохо, но Администрация ничего не сообщает. Должны были слышать про Критический Слом?

Ах, да, ваша изоляция. По крайней мере, вы должны помнить, что десять лет назад была разбита грозная Ликония, чей флот нас серьезно беспокоил. Но сейчас Ликонии нет, Балтийское море полностью свободно и подконтрольно нам. Ликонская нация, доставившая нам столько неприятностей, уничтожена, в том числе и от моей руки. Дальше Ликонии лежит невероятно сильное государство, как раз названное Критическим Сломом. Всем плевать, как оно на самом деле называется. Слом – потому что наша экспансия вот уже лет пять как остановилась и никуда не двигается. Новости с фронта замалчиваются, но приходят слухи, по которым нас уже неоднократно разбили, и что мы потеряли половину ликонских территорий.

Я хмыкнул и опустил голову. Ценин сидел так же хмуро, но не улыбался, как я.

– Да-с. Сколько ни смотрю на наши кампании, а все время удивляюсь. Удивляюсь даже не тому, насколько победоноснее, будто в какой-то книжке, наши армии всех остальных, а тому, что это у меня в голове заложено как само собой разумеющееся. А все же вопрос «почему?» прокладывается в мой склад информации для генетики, евгеники и философии с искусством, который остальные зовут мозгом. И тут... такое. Слом, другими словами, конечно, не скажешь, – он тряс в руках бутылку с виатором, пока говорил.

– Но не беспокойтесь, мой друг, вы как раз и имеете все шансы изменить ситуацию, – сказал я заманчиво.

– О чем вы, Искандар? – он выпрямился и почти с удивлением посмотрел на меня.

– Ваш замечательный фосфорный заряд. Вы же явный лидер, как известно, и хоть презентация вашего изобретения проходит без вас, сударь мой, но фосфор – это чистая ромейская доктрина. Вы создатель военного прогресса. До вас наверняка доходили слухи о машине и моей должности, – он слушал напряженно и сразу кивнул в этот момент, – с помощью нашего тандема, герр Ценин, Слом будет преодолен. Пройдет еще десять лет, а может, и меньше, и наша славная глядовская магнатория приедет пиршествовать и на руины их городов. Вы не допили? Я, пожалуй, налью себе второй.

– Пиршествовать? – увидев, что я собираюсь наливать новый стакан, ученый решил побыстрее допить свой, попутно обдумывая то, что я сейчас сказал.

– Вы, видно, совсем ничего не знаете. После краха Ликонии не прошло и недели, как в их разрушенный крупный город-порт наехал весь эскадрольский высший свет и даже редко куда выходящие капиталисты Гедониса-Преференца. Они устраивали пиры и балы прямо на развалинах и дымящихся камнях, еще до того, как все население было угнано в резервации, а на крышах оставались целые куски золота. Некоторые крупные капиталисты погибли в охоте на недобитков, которые сопротивлялись. До разгрома этот город Ликонии выглядел великолепно, в лучших наших традициях, я бы сказал. Не знаю названия города, да и не надо.

Въезд в него осуществлялся с высокого холма, тогда как сам город лежал несколько внизу, у залива, на выпирающем в море полуострове. И с высоты холма, когда ты въезжал, можно было ослепнуть, потому что в том городе все было покрыто золотом, к тому же на каждом шагу стояли золотые храмы.

– Красиво, наверно, было, но меня, простите, больше волнует практическая сторона дела, – опять хмурая ухмылка захватила его лицо. – Можете подробнее рассказать про ромейскую доктрину? Все, что мне получилось вытрясти из людей, хоть чуть-чуть знакомых с этим понятием, так это какие-то поверхностные сведения. Похоже, не тот круг общения.

– Потому что органицисты политикой, в том числе военной, не интересуются. Это и есть естественность, друг мой. С доктриной же интересная ситуация... – я ухмыльнулся и задумался. – Она как бы официально не секретная, но есть сложившаяся традиция не рассказывать ее сути и предыстории. И даже не потому, что доктрина – это истина, отнюдь, суть ее вы прекрасно знаете, как и любой крестьянин в поле. А вот история ее возникновения... – я замедлил речь и действительно чего-то невольно ужаснулся, что со мной бывало крайне редко.

– Не поведаете?.. – Ценин заискивающе глянул на меня. – У меня в голове появляются мысли о каком-то важном событии.

– Скажите для начала то, что вы знаете о доктрине, – я

принял выражение скептического ожидания, сложил руки на колене.

– Хм... – мой вопрос заставил его задуматься. Какое-то нечеткое, интуитивное понимание или представление об этом понятии у него должно было быть. – Абстрактно – все. Конкретно – ничего. Попробую назвать ее печкой, в которую загружают дрова знаний и прогресса, поджигают все огнем войны и медленно варят на этом всем напиток победы.

Он договорил и сделал последний глоток виатора.

– Этот напиток победы? – пошутил я.

– Ах, нет, что вы, – Ценин сумел этому посмеяться. – Без доктрины Эскадроль был бы не Эскадролем. Постоянное развитие взамен стагнации, предлагаемой утопистами. Вечная эволюция знаний и технологий.

– Ладно, быть может, вы и слишком заработались, но основные общественные сведения вам известны. Вечная эволюция знаний и технологий для войны и империализма. Для экспансии. Для кровавой жертвы мировым богам хаоса и смерти. Красиво, правда? А вот зачем, зачем же нам это, зачем это всему миру? Почему все страны без исключения исповедуют доктрину ромейских «гордых» царей, не вдаваясь с виду в суть? А? Поведайте мне, что вы думаете! Особенно если учитывать, что Ромеи давно нет, и она погибла от войны... Знаете ведь шутку, будто Ромеи не было, потому что никто не знает, где она располагалась? Что от нее осталось так мало культурных артефактов, книг, строений, вооб-

ще никакой информации? О, если вы попробуете найти истину, то за открывшейся дверью знаний вас будет ждать пустота.

– Хм... – он слушал меня с интересом, – я невольно помещаю все сказанное под призму биологии. И вот уже ваша фраза «Ромеи не существовало, потому что никто не знает, где она располагалась» заменяется на «Совокупности видов N не существовало, так как нет сведений о месте ее жизнедеятельности». Но я уже привык к такому двойственному пониманию всего происходящего и неудобства не испытываю. Я думаю, что это эволюция. Эволюция, ароморфозы, совершенствование и улучшение форм жизни, их усложнение, все это служило одной цели – выживанию. Когда первая цель была достигнута, следовала вторая – доминирование. Как сейчас прогресс служит для войны, хотя... Война служит прогрессу не в меньшей степени. Не будь прогресса, войны все равно бы были, а не будь войн, то прогресс, вполне возможно, замедлился бы неимоверно-с...

– Право, ваше мнение обывательски-научно. Разумеется, мир не живет такими сложно-скучными схемами, просто никто не знает настоящих.

– Что вы подразумеваете под пустотой? Вы сказали, что меня будет ждать пустота. Что это? – спросил он аккуратно, но с сомнением, совсем не обидевшись на мои слова.

– Опасный вопрос, – шепотом произнес я. – Все же я упомянул лишнее.

– Ладно-с... Я все же синкретист. На любую социально-историческую проблему можно смотреть с точки зрения биологии – и это будет правильно. На любую проблему в биологии можно смотреть с точки зрения управления, философии, искусства, физики, да чего только хотите, и этот взгляд тоже будет верным. Ох, мне опять нужно сделать усилие, чтобы прогнать привычку отходить от темы. Хотя, как видите, мои глаза уже сверкнули той же искрой, что и ваши, когда вы говорили про Ромею, Искандар. Эта страна же существовала как любая другая, имеющая материальный аспект?

– Она была на нашей территории. Мы вернули ее очень давно. Но век Ромеи был недолгий, она, собственно, даже и его не прожила. Ей правили всего три царя. Начал все Реон Первый. Реон Ромейский. Знаковая фигура... Создатель нашей теории, которой неумело пользовался его сын, Реон Второй и будущий узурпатор, царь Ксенос Первый. Гордым был прозван только Ксенос. Реон Ромейский был вообще мирного нрава, а Реон Второй нрава даже тихого и смиренного, но из-за последнего царя гордыми считают всех. А насчет мира до Ромеи есть некоторые подозрения. В Эскадроле свобода вот не провозглашается, но мы чувствуем себя таковыми, потому что нас ничто не притесняет. Но знаете ли вы, что такое свобода от разума? Свобода и «от», и «для»? Свобода – вплоть до непонимания объективности и падения нравов? Свобода даже от окружающей действительности. Среди тысячи мнений сложно найти истину, и в конце концов

тебе все надоедает... Таким был мир до первого Реона. По основному принципу «Живи как хочешь и не мешай жить другим так же». Люди походили с ума и натворили всякого, настолько, что тех людей и низвергнуть в пропасть было бы за благо. Так подумали и ромейские цари, хотя они были вполне мирными, как я уже сказал... – я замолчал, наливая третий стакан.

Ценин задумчиво и даже как-то мучительно молчал.

– Двести лет назад мы вернули территории, на которых была Ромея. Мы узнали, для чего нужна доктрина, и мы узнали причину ее возникновения. Мы уничтожили Ромею. Уничтожили все плоды ее культуры, всех ее жителей, все упоминания о ней и делаем все возможное, чтобы она была мифом. Никто не должен знать то, что знали ромейские цари. Они уничтожали информацию о старом мире при жизни своего государства. А мы уничтожили и их. Война должна быть, или на человечество спустится кое-что похуже смерти. Именно мы должны закончить эту войну, для чего и существует ваш прекрасный фосфор.

– Я, простите, не думаю, что с одним только фосфором можно захватывать целые государства, но я и не знаю, какую машину вы строите, – он радостно встал, но тут же смутился и снова сел. – А можно подробнее про время хаоса?

– Я думаю, об этом мы поговорим позже. А может быть, вообще не следует об этом говорить.

– Наше пространство, как я вижу, имеет большие тайны, –

ученый сильно смутился. – А я думал, что Эскадроль – место воздушное. Я, конечно, не критикую, просто не могу понять, как на месте, можно сказать, ровном вдруг вырастают такие знаки вопроса.

– Ох, да что вы, что за сомнения? Эскадроль – это и есть свобода, самая радикальная и чистая, как пузырьки в виаторе. Свобода от веры, от государства, от совести, от общества, от образования. Желай что хочешь, хоть умри. Правда, умереть ты не можешь, ведь ты счастлив. Если отбрасывать не нужные никому тайны, война и аннигиляции – тоже свобода в какой-то мере. Да и одной свободой сыт не будешь, нужны еще и развлечения.

– Интересные, интересные слова, Искандар, – и снова добавил, уже совсем нелепо: – Романович.

Было видно, что Ценин быстро устал, скорее всего, в своей голове он уже начал думать о каких-нибудь биохимических законах. Поэтому нужно было действовать резко и в лоб.

– Если вы победите в конкурсе, что очевидно, кому вы отдадите право производства фосфора?

– А разве не Фонд будет заниматься распределением? Ой, нет, вспомнил! – он снова на секунду вышел из биологического транса. – Здесь же целая промышленная комиссия из людей, которые хотят купить меня, предлагая различные дивиденды. Это мне совершенно не нужно, Искандар, я просто хочу сделать доброе дело и вновь удалиться в свою лабора-

торию на еще год затворничества.

– У меня есть к вам наивыгоднейшее предложение, до-
стопочтенный ученый, – я располагающе посмеялся и сел
поближе. Ценин заинтересованно на меня уставился. – Вы
заключите сделку на производство фосфора со мной. Мой
друг Флор, о котором вы наверняка слышали, владеет гро-
мадными химическими фабриками, он, вне сомнений, смо-
жет быстро и выгодно производить ваше творение. В долж-
ном количестве. К тому же я руковожу постройкой машины,
которая создана именно под химическое оружие. И если вы
таким изящным образом поможете нам в развитии практики
ромейской доктрины, вас отблагодарят. Наверняка отблагодарит
и сам Император, и народ Эскадроля с его Воинством,
и лично я. Фабрики Флора будут поставлять вам все необходи-
мые химические зелья и оборудование, а я постараюсь до-
биться для вас поставки будущих аннигилянтов в качестве
подопытных. Что скажете?

Чем дольше я говорил, тем больше лицо Ценина проясня-
лось, и на него постепенно наваливалась искренняя радость,
которую он все же активно не проявил.

– Это лучшее предложение, о котором я мог услышать!
Если мой фосфор победит, то я обязательно приму ваши
условия и подпишу контракт. Только об этом мы узнаем че-
рез неделю, конечно же. Уже боюсь вас разочаровать, – как
и раньше, в конце бурно начатых слов он смутился.

Ценин, конечно же, выиграл. Мы подписали контракт.

Лицензия фосфора была оформлена на меня, а производил его Флор. Ха, помню, как сильно разочаровалась вся комиссия от новости, что сделка сорвалась сразу у всех приглашенных промышленников. А они-то готовы были до переломов между собой биться за этот фосфор, предвкушали даже сам аукцион, как желание всей жизни! Дурачки, уехали разочарованными. А вот мой карман и карман Флора, напротив, начали с тех пор хорошо наполняться. Ценин был действительно рад сделке, я даже сам был счастлив увидеть такое радостное существо, как он. Хоть и довольно скромно радостное. Мы прожили вместе всю неделю, разве что наши апартаменты были довольно далеко друг от друга. Но это не мешало нам беседовать часами и уже вместе изучать замок. О старом времени и доктрине мы более не говорили, темы были другие, обоюдно приятные: я рассказывал ему про историю войн, о которых знал, а он повествовал о различных видах химического и биологического оружия, их свойствах и применениях.

С тех пор я его не видел.

Четвертая глава

23 мая 1821 года. 10 часов утра

Я прибыл в гляд. Никогда не любил долго ездить на поездах. Даже в первом классе с отдельным купе, другое дело – быстрый самолет. Но авиация действовала только в северо-западном районе и вокруг важнейших военных заводов: аэропорты были только там. Уже лет тридцать все говорили о необходимости развития инфраструктуры центра и даже дальнего востока перед сибирскими пустынями, но на разговорах все заканчивалось. Фронт убежал слишком далеко, и подвоз из богатого центра продовольствия и ресурсов замедлялся. И при этом никто не думал развивать центральные губернии, строить там аэропорты и увеличивать количество железных дорог. Весь Эскадроль сосредоточился за полторы тысячи верст от Централиса, сосредоточился на линии фронта. Центр сам собой занимался.

А что до меня – я прибыл в гляд.

Гедонис не обещал для меня разрешения всех вопросов, а был лишь источником раздражения на центральное командование и «всемогущее» глядовское отделение Фонда. Однако я до последнего был уверен, что приватный разговор с Генерал-Губернатором сдвинет этот вопрос с места. Он должен был оставить Централис мне.

Я вышел из поезда на многолюдный перрон. Но не я успел

насладиться атмосферой чужого города, как ко мне пошли два офицера рядовой внешности.

– Добрый день, господин генерал! – они козырнули.

– Добрый, господа.

– Господин Генерал-Губернатор Ювелиров осведомлен о вашем прибытии и ваших намерениях его посетить.

– О, как лестно с его стороны приветствовать старых знакомых. Но не поверю, что вас прислали лишь поздороваться, – я медленно двинулся в сторону выхода. Офицеры пошли за мной.

– Генерал-Губернатор назначил время встречи, но не ранее, чем через три дня.

Мне понравилось. Я не удивился.

Офицеры сказали и о том, что никакими средствами встречу нельзя ускорить, потому что Ювелиров сейчас очень занят проблемами военных поставок на фронт и спит по три часа в день, не имея никакой возможности для внешних встреч. Видя по моему лицу, как я доволен таким поворотом событий, они даже начали взывать к «таким свойственным каждому эскадрольцу чувствам милитаризма», намекая на то, что моя спешка со встречей может повредить целому фронту. Мол, один генерал менее важен, чем успех всей войны. Они еще многое мне сказали, но я их не слушал, окончательно убедившись, что у Ювелирова с Фондом есть какая-то связь против меня. Я смог отвязаться от них и быстро затеряться в большой вокзальной толпе. Думаю, эти офи-

церы были даже рады тому, что я сбежал. Безусловно, они хотели от меня более органичной и мягкой реакции, неких примирительных слов, но и побег их не разочаровал.

Побродив немного по ближайшей местности, я убедился, что офицеры ушли. Я успел налюбоваться на прекрасный штамповочный ландшафт местности вокруг вокзала – чувство было такое, будто Централис я не покидал, на окраине гляда все было таким же, как и там. Черные монолитные военные здания, бежевые, светло-желтые здания гражданские, тоже с намеком на военщину, буйное разнообразие маленьких частных заведений. Было скучно. Я побывал во множестве городов Эскадроля. Любое яркое оригинальное пятно рано или поздно обрастало мелочным частным безвкусием или военными монолитами. Но единственным не просто ярким, но сверкающим пятном была главная глядовская улица.

Пробежавшись глазами по ближайшим вывескам, я быстро нашел гостиницу и вошел внутрь.

– Номер, пожалуйста, – сказал я сходу.

– Добрый день! Вы бронировали?

– Нет.

– А какой номер желаете?

– Любой. Какой не жалко.

– В таком случае выберите номерок наугад, – на стойку передо мной выложили несколько маленьких табличек. Я выбрал. Оказался номер 59.

Я отсыпал маленьких золотых монеток и поблагодарил.

На стойке лежали газеты. Пока мне оформляли номер, я успел заметить важный заголовок на титульном листе: «Индустриальный крах!» Заголовок меня взволновал. Я взял свою табличку, чтобы не забыть номер, и скорее пошел заселяться. Вещей со мной не было никаких.

Я подошел к двери с номером 59 и толкнул ее – открыто. Зашел, скинул сапоги, мундир и прыгнул на кровать. Скорее, скорее узнать, что же в газете!

«Крупнейшая машиностроительная фабрика была разрушена в ходе подавления восстания сбоистов. Фабрика была оперативно передана Фонду для наискорейшего восстановления. Сбоисты из «Зеленого движения» были уничтожены. Военная машина, построенная на этой фабрике, называется хорошим средством возвращения территорий».

Маленькая статья. Никого не обвиняли, не было никаких точных данных. За звонким заголовком ничего не скрывалось. Значит, волноваться было не о чем.

Я бросил газету на пол и полежал несколько минут, глядя в потолок. Голова была пустой. Я не устал. Пора было отправляться на встречу, которая была назначена уже давно, но могла воплотиться только сейчас.

Через десять минут я зашел в модный милитаризированный культурно-художественный центр гляда «Элизиум». Он стоял неподалеку от вокзала. «Элизиум» был открыт самим Императором и назывался на старом языке вымершей расы. Император почему-то любил давать названия на мерт-

вых языках, примерно по тому же принципу он назвал гляд. «Элизиум» снаружи напоминал грудку серебряных блестящих камней, фигуру крайне непропорциональную и ломающую; все его стены были покрыты стеклом. Центр, несомненно, тоже отличался от типичного вида наших городов, но тем, что всех тошнило от одного взгляда на «Элизиум». Внутри меня встречал приличных размеров гостевой зал, который отличался чистейшим белым цветом и фонтаном лучей света, что рассекали стекла, которыми было облицовано здание.

Я подошел к стойке администратора, множество которых было расставлено в огромном зале, и обратился к стоящей там девушке в форме подпоручика:

– На каком этаже будет проходить презентация новых работ художника Емельяна Кудесникова? – произнес я и оценивающе осмотрел девушку. Наверняка многие бы сказали, что она красива, но я ничего примечательного в ней не увидел.

– На третьем этаже, господин генерал-майор! – девушка вытянулась, увидев мои погоны. Но улыбка на ее лице была типичной улыбкой для администраторов ее рода – слишком переигранная и раздражающая, механическая.

– Благодарю, – спокойно ответил я.

– Начало через сорок минут, вы прибыли как раз вовремя. Позвольте мне вам все показать!

– Прошу простить великодушно, я жду свою спутницу.

Она скоро придет, вот нам двоим все и покажете, – я привычно улыбнулся одной стороной лица, наклонив голову. – Хотя нет, даже этого не стоит делать.

Девушку, видимо, эти слова расстроили, от нее не укрылась и моя усмешка.

– Позвольте хотя бы расс...

– О нет, я, пожалуй, пройду по залу. Тут так много картин и назидательных надписей. Ведь не зря вы их вешали?

– О, их не я вешала... Как вам угодно, – девушка сникла еще сильнее.

– Не волнуйтесь, мы вернемся именно к вашей стойке, – девушка вновь подняла голову, – но учтите: будете вести себя так мерзко, господин подпоручик, – предадите Эскадру. Солдату Воинства не подобает пресмыкаться ни перед кем. Но в вас есть и хорошее – ваша улыбка. Враг, которому вы вспорете живот, должен видеть перед смертью вашу красивую механическую улыбку. Ожидайте, – я махнул рукой и отправился бродить по залу, не узнав ответа подпоручика.

Я подошел к первому портрету от входа. Судя по надписи, это был Император Михаил Второй в мундире вице-адмирала. Он подбоченился рукой с адмиральским жезлом (всегда не любил эти палки) и тревожно смотрел куда-то вдаль, за грани портрета. Весь корпус его тела был вытянут в сторону его взгляда. Под ним было написано витиеватым подчерком часто встречаемое изречение из диалога с каким-то генералом, по совместительству, кажется, другом Императора.

«Знаешь, доктрина ромейских царей – вещь основополагающая. Хватило одной мельчайшей мысли, не подкрепленной ничем, кроме жажды крови самой Ромеи, чтобы показать, что доктрина верна. Вот и жажда пришла к нам вместе с доктриной. Ко всем нам». До сих пор не ясно, зачем Император врал близкому другу об истинной цели доктрины. Но мы и не узнаем, Михаил Второй, как говорят, был слишком хитер. Впрочем, никому даже дела нет до того, как выглядел предок нынешнего Императора и про то, были ли вообще какие-то предки. Император есть сейчас, а остальное мелочи.

Далее был изображен Карканский. Генерал с чудовищным нравом, но удивительными боевыми талантами и познаниями в стратегии. Победы при Смольне и Вильне над Ликонией, а также при Луцке над Вольнем, что немного западнее павших ромейских земель, возвели Карканского до небес, а он на этих небесах вырезал все население княжества Вольнь за 18 месяцев. Расти было уже некуда, но он и не хотел, ибо был уже стар. По слухам, умер своей смертью лет пять назад, работая в Военной Администрации. Посидел спокойно за столом, и хорошо.

Картина отражала характер Карканского – темный фон с бурей и буро-черным небом. Генерал смотрел вдаль, хмуро сдвинув брови, его левая рука покоилась на карте, правая символично показывает кулак кому-то за гранью картины.

«От крови солдат пьянеет. Несется вперед с горящими глазами, весь раненный и вообще мертвый. Добежит до вра-

жеской крепости, всех убьет, зная водрузит и подумает: «Так ведь я умер на том холме. Точно! Мне же в сердце пуля влетела!» Посмотрит – из груди кровь хлещет. Крикнет: «Слава Эскадре!» да помрет».

Символично, конечно, но можно иронически вставить другую фразу Карканского: «Наши солдаты не заканчиваются».

Третьим был некий господин в строгом сером костюме. Он сидел на краю мягкого кресла. Высокий и тощий, с небольшой залысиной и впалыми глазами. Человек выглядел отчаянным и глядел с холста будто бы со слабой надеждой. Он глядел на меня так, будто только я один смогу выполнить его просьбу. Я никогда его раньше не видел, а потому он заинтересовал меня несколько больше. Его левая рука поддерживала голову, упираясь локтем в колено, а указательным пальцем правой руки изображенный просил тишины, прислонив его к губам. Рядом с портретом стояло очень много народа, благо он был подвешен довольно высоко и посетители «Элизиума» хорошо видели этого господина. Серая металлическая стена позади оттеняла сиренево-голубой тоскливый фон портрета, но рядом с ним было явно как-то неуютно. Я прошел сквозь толпу, плавно лавируя и толкая упорно стоящих, и оказался рядом с картиной.

«Реон Первый Ромейский», – прочитал я надпись.

Кажется, я не сразу сообразил, что стою недвижимо, вытаращив глаза, как и вся толпа. Страх! Ужас! Бездна! Ромей-

ский царь! Я рассмеялся, сразу выводя из транса всех окружающих, которые неодобрительно на меня покосились. Но мой смех был нервным и болезненным, словно мне дали по зубам и я смеялся от боли. Я начал медленно отходить спиной от картины, мучительно глядя на тоскливое выражение Реона. Под ним не было цитаты, но она не была нужна: картина все лаконично высказывала. Хотя ромейских царей не каждый день увидишь. Но тут я на кого-то наткнулся. Этот кто-то остановил мое храброе отступление.

Я обернулся.

– Что, Искандар, боитесь давно умерших? – Елисса смотрела на меня, мило улыбаясь, без тени сарказма.

– Но вы же знаете, кто это, сударыня моя! – произнес я, сразу забывая про Реона.

– Знаю. Давно умерший, – она улыбнулась шире. – Я не виновата в том, что не знаю поучительных басен, которые вам в штабе рассказывают. Поэтому для меня великий и ужасный, – Елисса кивнула головой на картину, – Реон Ромейский, гордый ромейский царь, ничего не значит.

– Вам и хорошо, Елисса, что вы не знаете правды про нашего дорогого Реона.

– Я и не хочу. Простите, что опоздала. Мы договаривались за сорок минут встретиться, я помню, но...

– Не стоит. В конце концов, где это видано, чтобы вы не опаздывали? Лишь сами всегда думаете, что я опоздаю, а в итоге я брожу вокруг нашего места по полчаса. Но не думай-

те, я лишь ностальгирую, – я хитро поводил взглядом по потолку над ее головой.

– Да когда такое было последний раз, Искандар? Почти год прошел с того раза.

– Потому что мы не виделись этот «почти год». А точнее, восемь месяцев, – сказал я, а она отвела глаза.

За восемь месяцев Елисса совсем не изменилась, но это было несомненным плюсом, потому что любое изменение идеала может быть лишь отклонением. На ней был черный плащ, весь облепленный белыми волосами.

– Кошки – друзья человечеству, – я убрал с ее воротника пару волос.

– О чем вы? А, плащ, – она немного смутилась, – на нем просто кошка спала, а я не успела почистить.

– Ничего, мне будет чем сегодня заняться, – я засмеялся.

– Будто, герр генерал, вам не нравятся работы Кудесникова, – она пыталась меня укорять, но сама светилась и улыбалась.

– Ох, какая грубость обращаться словом «герр» в высшем обществе.

– Император так любит.

– Это его причуды, нам не стоит повторять то, что почти органически запрещено.

– Запретов в Эскадроле не существует, – отрезала она.

– Ладно, мы друг друга поняли. Как вы здесь живете? Впрочем, сами знаете, терпеть не могу вопросы типа «Как

дела?» Просто знайте, что я, вероятно, даже рад вас видеть.

– Иногда мне кажется, что вы такими фразами хотите меня оскорбить.

– Что вы, совсем нет.

– Да, я понимаю, что не хотите, уже привыкла... И у меня... все замечательно. Да, все замечательно, Искандар. И я тоже рада вас видеть. Да, ваша, эм, просьба выполнена. И я знаю, что вы пришли выяснить конкретное дело, а не спрашивать, как у меня дела, – Елисса помрачнела.

– Не волнуйтесь, я пытаюсь заботиться о каждом члене танского общества. По мере моих возможностей и их нужд. А вы – самый особенный член общества. И вы знаете, что заботиться о вашем благе – цель всей моей жизни, – иногда стоит превысить в речи допустимую норму пафоса, чтобы речь становилась похожей на саркастическую. Однако до конца никогда не ясно, насколько искренне такая речь произносится. Ради шутки ли, ради обиды ли?

– Вот видите, вы ставите все в систему, делаете из всего анкету с галочками «позаботился», «еще не позаботился». А люди не галочки, Искандар.

– Есть много людей-галочек, Елисса. Но это явно не вы, друг мой, – я неожиданно для себя искренне улыбнулся, наполнившись теплотой.

– Будем надеяться, – на этот раз Елисса улыбнулась, как я. Половиной лица. Интересные метаморфозы. – Но все же я недовольна. Вы прекрасно знаете, что я не люблю картины

Кудесникова и архитектуру «Элизиума», и вы все равно меня сюда позвали.

– Зато люблю я, Елисса. Берите мое царство и мою корону, что может быть дороже для мира?

Я не успел увидеть ее реакцию, ибо направился к стойке.

– Еще раз здравствуйте, господин генерал! Здравствуйте и вам! – девушка-администратор обратилась к нам, когда мы подошли. Он выглядела более спокойно и уверенно, хотя улыбка не покинула ее лицо.

– Еще раз добрый день, да, – ответил я, пока доставал из кармана мундира два билета, – вот, прошу.

Администратор посмотрела на билеты и поставила на них печать.

– Все верно, благодарю, – протянула билеты мне, – требуется сопровождение?

– Никак нет, господин подпоручик. Отбой, – произнес я и уже отошел на некоторое расстояние, но остановился и обернулся. – На этот раз я доволен вами. Помните, что нужно от вас Эскадрюлю. Всего доброго.

– Премного благодарна, господин генерал! – девушка козырнула.

– Чем вы довольны? Вы с ней знакомы? – недоуменно спросила Елисса.

– Позже расскажу, в этой истории нет ничего интересного. Мы сели в зале и ждали презентации. До начала показа работ Кудесникова было минут пять. После я планиро-

вал переговорить с художником лично, был у меня именно к нему один заказ. Зал представлял собой поднимающиеся ряды кресел из синего бархата, внизу – сцена с проектором. Вокруг было темно и тихо, слышался лишь шепот ожидающих людей.

– Знаете, Елисса, Флор усиленно жалуется на разрушение танского общества. Оно и понятно, мы с вами уже давно не живем на земле обетованной, а остальные сильно растеклись по центральным губерниям. Но разве это препятствие для собрания? Как вы думаете?

– Мы же все на вас работаем, какой разрыв связей, Искандар? – возмущалась Елисса. – Это должно лишь укрепить связи. К тому же Флор звонил мне позавчера, он сказал, что вы дали согласие на новое собрание общества всем составом. Да, я думаю, что это возможно.

– Я связывался с остальными только через Флора. Я не видел никого уже много лет, а вас я вижу пару раз за год, заезжая в гляд. Если смотреть на ситуацию откровенно, какой смысл сейчас в танском обществе? Дружеские посиделки под дубом? Ностальгия по лучшим временам? Реинкарнация и возрождение некогда великой силы? Чушь. Если руководствоваться только этими мотивами, то на едином собрании все и окончится. Наши милые друзья просто не сольются вновь без хорошей причины и повода, нам уже не шестнадцать лет.

– Странно. Флор сказал, что вы более позитивно настро-

ены. Пусть мы и говорили всего минуто.

– Быть может, я действительно настроен сомнительно. Еще несколько дней назад я был в восторге от мысли о новом собрании. Пока утомительно ехал в поезде, эта мысль показалась мне наивной глупостью. Какая польза от встречи?

– Польза есть, но... понятие это глупое. Мы не должны думать о пользе, она обычно приходит сама. Встреча должна как минимум принести радость. Вот и все.

– Ох, радость... Мы все делаем ради радости. Пользуемся любой возможностью, ожидая радости, а потом...

– Вы опять про свою старую историю? Да. Вы приехали в Гедонис, поступили в Военную Академию, потому что у вас была возможность. У вас больше не было ничего. Вам не понравилось здесь учиться, но вам нравится то, что вы имеете сейчас. Думаете, зря поступали в Академию?

– И действительно. Не зря. Но вы не жаловались ни в Академии Художеств, ни в Культурно-Историческом Обществе не жалуетесь. У меня несколько противней.

– Дружеское единение, Искандар. Разве не естественно такое устремление? Особенно для вас?

– Конечно, естественно. Ладно, Елисса вы моя свет Михайловна, вы меня убедили. Просто не буду об этом думать.

– Вам наверняка стыдно встречаться с людьми, которых вы не видели десять лет?

– Возможно.

– Кстати, Флор не сказал даты собрания, – сказала Елис-

са тихим голосом, – и я даже не знаю, зачем вы приехали и когда вы уезжаете.

– Уезжаю недели через две. А приехал переговорить с Ген-Губом. Не бойтесь, Елисса, мы с вами хоть каждый день будем видаться. А потом я заберу вас, и мы поедem домой. Соберемcя нерушимым братским обществом...

– Как раньше не будет, – в глазах Елиссy зажглись черные костры.

– Конечно, не будет, – я наклонился к ней, – будет лучше. А теперь...

– А теперь? – она сказала тихо, будто ждала чего-то.

– А теперь... – я наклонился к ней.

– Да? – еще тише.

– Можно мне документы, которые вы должны были принести?

– Ах, да, сейчас! – она засмеялась и засуетилась, открывая сумку.

Засмеялся и я. Ситуация должна быть приятной до конца.

Елисса достала пару листиков, завернутых в файл.

– Это все?

– Я больше не нашла. Вряд ли вам интересна культура, простите.

Я пробежал глазами по листику. Интересно.

– Давно видели Флора? – я убрал файл и должен был как-то продолжать разговор.

– Года три не видела, честно говоря. Он и сам не очень

стремится к встрече. Был ведь недавно у нас в Гедонисе и даже не позвонил.

– С возрастом он становится более раздражительным. Каждая поездка в Гедонис его сильно расстраивает и выматывает, сами знаете, он терпеть не может гляда. Хотя разве у него есть здесь фабрики? Не знаю. И зачем же он сюда ездит?

Елисса пожала плечами.

– В любом случае Флору очень сильно претит общественность. Гляд его выводит из себя, он безразличен к общественной деятельности, а здесь занимаются только этим. Ну и прогулками по улице.

– Я его знаю и понимаю, но думаю, что здесь есть иные причины, – ответила Елисса.

Я прекрасно осознавал, что Флор просто ревнует меня к Елиссе, но, конечно, вслух я этого не высказал.

– Флор прост и откровенен. Всегда знаешь, как он поступит и как отреагирует, всегда можно предугадать его действия. Ему на все плевать. Ему даже лень задумываться о жизни, мое влияние на него почти закончилось. Да, раньше мы, что называется, творили друг друга, полностью знали все наши сокровенные мысли и имели одни интересы. Флор еще с юного возраста приучился всегда вставать на мою сторону в спорах, ибо ни один предмет ему не был интересен, а моя сторона всегда приносила дивиденды. За это я его и люблю. А вы не Флор.

– Надо же, – усмехнулась Елисса.

– Вас сложнее разгадать, сложнее и интереснее. Ваш мир закрыт, и ключа к нему нет. А я не такой искусный взломщик, как можно думать, я вскрываю двери лишь тяжелой артиллерией. Тонкий, чувственный, таинственный и атмосферный мир скрывается за вашими глазами уже многие годы. Он не исчерпан, он не разгадан. Он притягателен и изящен. Вы не Флор, Елисса, – кажется, ей нравилось, что я говорил.

Она не успела ответить. Экран загорелся белым светом, и на сцену вышел человек в смокинге.

– Дамы и господа, – начал он возвышенным тоном, – сейчас перед вами предстанет знаменитый художник Емельян Андреевич Кудесников. Все мы знаем его вклад не только в развитие эскадрольского искусства, но и в развитие эскадрольского фронта. Просим вас не реагировать слишком бурно на внешность почтенного художника и не вызывать у него раздражения. Мы начинаем.

На сцену вышел сам Кудесников. Мы сидели довольно далеко от сцены, и его лицо сложно было разглядеть, а вот экран смотрелся хорошо. Кудесников, как и многие, воевал в Ликонии. Мало кого интересуют подробности того боя, все лишь знают, что там ему оторвало нижнюю половину лица, вследствие чего он потерял возможность говорить и питался через трубочку. Сознание и руки художник сохранил в полном порядке и обычно общался надписями в тетради.

Его показы были частым явлением в Эскадроле. Показ в

«Элизиуме» был моим четвертым посещением официальной выставки Кудесникова. Если я выбирал одного представителя искусства, то был верен ему до конца при бесконечном разнообразии других талантливых людей. Этот показ был в первую очередь предаукционным действием. Покупатели картин должны были заранее увидеть работы на экране, чтобы знать, стоит ли их потом купить.

«Картина первая, – гласила надпись на экране, – «Братья»».

Разумеется, зал был полон лишь на четверть, ибо даже суровая ироничная культура наших людей иногда не справлялась с картинами старого доброго творца. От них временами тошнило больше, чем от архитектуры «Элизиума».

На экране возникли две большие уродливые головы. Головы животных, гуся и оленя. Голова оленя была отделена от туловища и наполовину освежевана, ниже глаз белел крепкий длинный череп. Кожа и грубая шкура местами клочьями свисали с оленьей головы. Взгляд у животного был, однако, живой и блестящий, даже вразумительный, похожий на взгляд человека. Глаз было не два – несколько десятков, раскиданных произвольно по всей уцелевшей голове. Справа от оленя на картине помещался гусь. У него уже была шея, а взгляд его остыл, застекленел и заплыл голубым гноем. Глаз также было много, но еще больше было ртов, они росли друг из друга в его пасти, оказавшейся больше головы соседнего оленя. Из пасти жирным мясным потоком струились языки и торчали ровные мелкие зубы. Обе головы заплыли желтой

жидкостью, которая сочилась из пор и отверстий зверей. Я решил, что эта жидкость являлась жиром.

Елисса напряглась, поджала губы и покрепче взялась за подлокотники. Я не понимал смысла «Братьев», но желание купить эту картину всплыло мгновенно. Конечно, я ее не купил. То было лишь сиюминутное восхищение красочным образом. Елисса точно могла рассказывать о картине, ее жанре и смысле столько, что хватило бы на приличный том. При чем рассказывать не хуже художника. Но я не стал ее спрашивать, увидев ее напряженное лицо. Показ шел дальше.

Второй картиной была уже знакомая мне работа. «Рука хочет Солнца» возилась по Эскадре уже второй раз, но почему-то ее никто не покупал. Насчет эстетизма этой картины у меня не было сомнений, «Рука...» казалась мне воплощением идеала. Как в плане написания, так и в плане сюжета. Чего еще можно желать абстрактной руке, чем не нашего чудесного органического Солнышка?

Из зала уже начали выходить люди. Глупые люди, которые будто не знали, на что пришли. Кудесников расхаживал перед экраном, склонив голову и заложив руки за спину. Я знал, художнику нет дела до отдельных личностей, он жаждет не увидеть реакцию большинства, а продать картины меньшинству.

Внизу холста лежал человек в обычной одежде. Кажется, рабочий. Серая рубашка, холщовые штаны. Он лежал на животе без движения в статичной, казалось, неудобной позе.

Быть может, он был мертвым, может, спал, это не важно. А его рука, правая рука, жила своей жизнью. Изогнувшись под невозможным углом, так, что торчала сломанная кость, рука тянулась к органическому Солнцу. Безличное тело человека лежало, скучало и не реагировало ни на что. Рука тянулась и тянулась к органическому Солнцу, желала достать его своими пальцами. От близости органического Солнца кожа начала таять и стекать по пальцам, за кожей поджаривалось мясо. Указательный палец вообще представлял собой голую кость. Это ли не красота? Человек, лежащий статичным мешком картошки, рука, желающая того, что ее убивает, вечное органическое Солнце, которое вообще никак не связано с этим человеком и его рукой... Идиллия. Особенно если учитывать, что золотая звезда занимала почти все пространство картины. Было бы оно действительно таким большим...

Из зала вышло еще человек пять, Елисса уже демонстративно отвернулась и закрыла глаза. Я был рад, я был доволен. Сколько еще оставалось картин? Думаю, несколько десятков. А все-таки нужно бы было уйти пораньше, а то бы я довел своего спутника до самоотречения.

Ага, третья картина.

– Дамы и господа, самое последнее творение нашего мастера! – произнес человек в смокинге дребезжащим голосом и начал поправлять «бабочку». Он явно волновался от ухода людей, не привыкнув к такого рода показам. Кудесников угрюмо ходил позади него и смотрел в пол, «смокинг» то

и дело на него оглядывался. Совсем недавно работает, дилетант. – Картина под рабочим названием «Создатели». В соображениях безопасности настоящее название произведения будет озвучено только для покупателя на предстоящем аукционе.

На экране и появились «создатели», думаю, мало кто понимал, о ком речь. Черные веселые тени людей, пляшущие в хороводе вокруг костра. Не сказал бы, что от картины исходила мрачная атмосфера, которую наверняка хотел передать Кудесников. Да, она почти вся была черной, костер в ночи смотрелся угрожающе, тени совершали порой ужасающие пируэты в воздухе, подпрыгивали и противно кривлялись, но страшного в картине ничего не было. Чувствовалось даже нечто обреченное и грустное, но в тот же момент нежное и доброе. У теней не было ничего, кроме их костра. Я даже заскучал от этой картины. На показ каждой уходило минуты по три.

Но, думаю, эскадрольцы любили свои сказки, купить «Создателей» пожелает множество людей.

Перед показом четвертой картины я вырубился. Вырубился так же, как перед фабрикой два дня назад, неожиданно для себя и своего спутника. Беспокоила ли меня впоследствии тенденция терять сознание так часто? Разумеется, нет, я и не вспоминал никогда об этих случаях.

Очнулся я через какое-то время, как оказалось, за кулисами. Елисса насмерть перепугалась, но врачей вызывать не

стала, чему я был очень рад. Скорее всего, прошел уже не один час, и все это время я лежал на кушетке художника. Сам Кудесников тихо и самозабвенно сидел рядом, а Елисса сходила с ума от моего состояния и лица Кудесникова, которое немного виднелось из-за его многочисленных повязок.

– Доброе утро, – проговорил я, приподнимаясь с кушетки, как ни в чем не бывало, – как мне кажется, показ уже окончился. Очень жаль, очень жаль.

– Искандар! Наконец-то вы очнулись! Замечательно! – Елисса для чего-то подбежала ко мне, но я остановил ее рукой и быстро встал.

Она действительно выглядела взволнованно, и, возможно, у нее даже тряслось лицо. Как занимательно! Кудесников сидел рядом, обхватив руками спинку стула, и спокойно наблюдал за мной.

– Чего замечательного или удивительного в том, что я очнулся? В смерти столько же красоты, что и в жизни. Поэтому со мной любой результат был бы равноценен.

Кудесников медленно покачал головой.

– С вами хотя бы все в порядке? Ничего не болит?

– Это тело ничего не чувствует, в том числе собственную боль.

– Да что вы такое говорите! А если бы вы тут умерли, что бы я делала?

– Раз не позвали врачей, значит, вы подобного результата не боялись.

– Емельян Андреевич убедительно попросил никого не вызывать. Он утверждал, что вы сами очнетесь. Знали бы вы, сколько добрых людей сразу захотело вам помочь, отнести вас за сцену...

– Да, люблю этих добрых людей. После того, как меня отнесли за кулисы, добрые люди спокойно сели по своим местам и продолжили смотреть презентацию, сразу забыв обо мне. В этом больше красоты, чем в жизни и смерти, Елисса. От этого мы и вечны, – я энергично кивал себе, произнося это.

Кудесников же закивал мне в такт, чем сумел меня почти взбесить.

– И чем вы тут занимались несколько часов? Или сколько?

– Меньше часа. Я пыталась смотреть картины... Оказывается, все холсты с работами спокойно лежат за сценой. И аукцион будет проходить здесь же. Странно, что находятся люди, готовые покупать эти работы.

– Находятся и достаточно. И, кстати, что же вы ждали меня? Господин Кудесников утверждал, что я просто очнусь, а у вас не нашлось других дел, кроме как ждать восстания будущего трупа? Простите, Елисса, друг мой, но вам пора. Не хочу, чтобы вы меня видели в таком, еще туманном состоянии. Это зрелище не для ваших милых глаз.

– Что? Вы выгоняете меня? После того как я волновалась и ждала, когда вы очнетесь!

– Да, вероятно, так.

– Ладно, – бросила она так, будто я ее не оскорбил, затем быстро встала и колкими стучащими шагами ушла прочь.

Я сознавал, как она напрягает стройные икры и сжимает кулаки в наивной обиде. Глупые люди. Люди, люди, торт на блюде. Каннибализм какой-то.

Кудесников протянул мне тетрадь. «Зря вы так, Искандар. Милая девушка», – гласила надпись.

– Ах, господин Кудесников, опять вы будто меня не знаете. Приветствую! – я протянул художнику руку и напрямую на него уставился.

Высокая тощая фигура, угловатые плечи и скулы, сведенные вместе колени, тяжелый взгляд. Настолько тяжелый, что ему приходилось принимать усилия для того, чтобы держать его на мне, а не уронить на пол. Лицо ниже носа обвязано различными тряпками и бинтами, из-под которых местами текут маленькие красные капельки. А местами из-под белых тряпок выглядывает целое и голое мяско. Захотелось сорвать неаккуратные повязки и насладиться этим видом до конца, но я сдержался.

Кудесников сжал мне руку. Мне показалось, что я вложил ее в пасть акулы.

«Как вам Создатели?» – гласила следующая надпись.

– Довольно хороши, учитывая их смысл. Но вам не кажется, что в них нет ни аллегии, ни метафоры, ни метонимии? Вы написали создателей почти в прямом смысле. Впрочем, у картины найдутся и другие покупатели. Я хотел бы заказать

у вас другую работу. Думал, что попаду за кулисы после показа. Впрочем, показ закончился, и я за кулисами. Все произошло, как я хотел, верно?

Наверняка Кудесников бы улыбнулся, если бы у него был рот. Но сейчас он лишь утвердительно покачал головой. А потом кивнул на меня, вероятно, спрашивая, какую работу я от него хочу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.